

ЦАРСТВО

Эмблематика Ивана Грозного

Начало XVI века не внесло новшеств в государственную эмблематику. Внутриполитическое положение на Руси мало располагало к этому. Венчанный на княжение в 1498 году Дмитрий Иванович – Дмитрий-внук уже в 1499 году попал в немилость у деда, в 1502 году он был заключен в темницу на одном из дворов Кремля. Иван III же приблизил к себе старшего сына от второй жены – Софьи Фоминичны Палеолог – и передал ему престол, не взирая на то, что был еще жив законный преемник власти Ивана III – Дмитрий-внук, скончавшийся дасть в 1509 году в возрасте 21 года.

Положение правившего с 1505 по 1533 годы Василия III Ивановича было весьма щекотливым. При обосновании своих прав на положение государя вся Русь он мог сослаться лишь на родительскую волю. А этого после церковного венчания на великое княжение в 1498 году было уже мало-вато. Поэтому Василий III неоднократно предпринимал усилия для организации подобной же процедуры собственного венчания на престол. Он пытался использовать для этого различные внешнеполитические успехи. Уже после присоединения Пскова в 1510 году Василия III стали иногда называть царем. Царский титул попал в договор с Римской империей, заключенный имперским послом К). Шнитценпаумером после завоевания Смоленска в 1514 году. Однако на монеты этот титул еще не попал.

О придании своей власти законности с помощью венчания великий князь и государь вся Русь Василий III особенно пекся в 1518 году, после новой победы в очередной, уже третьей, русско-литовской войне XVI столетия, и в 1523 году. В связи с этими усилиями и была, по-видимому, создана первая редакция "Сказания о князьях владимирских", повествовавшего о происхождении всего рода русских князей не просто от Рюрика, а от римского императора Августа (24 год до н.э. – 14 год н.э.).

Имперский посол И. Пернштейн писал о приеме его Грозным 27 мая 1575 г.: "На главе у него был венец, почти такой же, как корона его святейшества папы, хранящаяся в замке Сент-Анджело... Видел я корону испанс-

кого короля со всеми регалиями и короны тосканского великого герцога... и многие другие, в том числе и короны его цесарского величества Угорского и Чешского королевства, а равно и французского короля. Но уверяю.., что ни одна не может равняться с короною московского великого сына". Описывал он и регалии царевича Ивана Ивановича, "венец которого лежал на лавке, и в руке не было скипетра, а посох его отца". Поразили посла и головные уборы царя и наследника, которые были надеты на них во время званого обеда: они "имели на голове нечто вроде греческих скуфеек с одним красным яхонтом спереди величиною с яйцо" (Пернштейн. С. 12 - 13).

Почти то же писал и другой посол императора, Ганс Кобенцель: "В жизнь мою не видел я вещей драгоценнейших и прекрасных. В минувшем году видел короны или митры святейшего нашего господина... Видел я корону и все одеяния короля католического... видел многие украшения короля Франции и его императорского величества как в Венгерском королевстве, так и в Богемии и других местах. Поверьте же мне, что все ни в малейшей степени сравниться не может с тем, что я здесь видел" (Вержбовский).

По внешнему виду ни шапка Мономаха, ни казанская шапка не были похожи на короны, которыми пользовались европейские короли. Не смущаясь этим обстоятельством, иллюстраторы Лицевого свода начиная с 1553 года неизменно изображали царя в пятизубчатом венце, как и других королей, и императоров, и ханов Орды.

Ко времени завоевания Казани, к рубежу 1552 - 1553 годов, относится и начало употребления царем скипетра, который, однако, как новый "чин", т.е. предмет, входящий в состав регалий, считался ниже рангом, чем венец и бармы (Stokl. S. 23 - 26).

Скипетр - регалия очень древнего происхождения, входящая ко временам античности, когда он был непременной принадлежностью Зевса (Юпитера) и Геры (Юноны), затем консулов, а также византийских императоров, выступавших в качестве пожизненных консулов с 542 года (Deer. S. 408), а также с IX века западноримских императоров (Romer-Buchner. S. 55, 59, 80). Скипетр должен был "овеществить" право царя на титул. Смысл его был понятен каждому иностранцу, но отнюдь не русскому человеку,

поэтому писцы, копировавшие или составлявшие завещание Грозного, исказили слово "скипетр" почти до неузнаваемости: "скатерть, а по-немецки центурь" (ДДГ. С. 433; Stokl. S. 24). Ошибки в этом слове писцы делали даже 100 лет спустя - в 1667 году. Тогда оно было искажено до "скиперт" (СГГД. Ч. IV. С. 209). Уже в конце XVI века скипетр проник и в изобразительное искусство. Художник, работавший над миниатюрами жития Сергия Радонежского, в сцене присоединения Ростовского княжества к Москве нарисовал Колиту, сидящего на "троне" в княжеской шапке и со скипетром, а вокруг него людей, избивающих палкой толпу ростовчан (Арциховский.1944С.196). В 50-е годы в Успенском соборе был сооружен "чертог", или "чертежное место". Если Дмитрия-внука венчали на том "месте", где раньше ставили "святителей" (митрополитов), то в начале 50-х годов, как полагают исследователи (по И.Е. Забелину - к 1 сентября 1551 г.) (Забелим. 1850. С. 53 - 56), было создано новое "место" с барельефами, иллюстрирующими "Сказание о князьях владимирских", а также эпизоды, связанные с завоеванием Казани. Это прекрасное произведение искусства и поныне хранится в Успенском соборе Московского Кремля. В результате взятия Казани власть Ивана IV, теперь уже дважды царя, казалось бы, упрочилась. Однако одновременно возрос авторитет его двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого, истинного героя казанской победы. И вот в начале марта 1553 года, во время болезни царя, который решил передать власть своему малолетнему сыну - "пеленочнику", обнаружили симпатии значительной части боярства к другому возможному преемнику Ивана IV - Владимиру Старицкому. Отказ бояр, их колебания при принесении присяги царевичу были названы Иваном IV "мятежом", а позднее он прилагал к боярам определение "изменных" Драматизм ситуации усугублялся тем, что очередной литовский посол вез послание Сигизмунд II Августа, в котором Ивану IV было отказано даже в титуле "государя
весья Руси", т.е. в том титуле, признания которого добился еще его дед Иван III после русско-литовской войны 1500 - 1503 годов. В результате событий марта 1553 года власть Ивана IV несколько пошатнулась: он даже должен был изъять на время из дипломатического обихода печать

с двуглавым орлом. Так, в Данию 23 июля 1553 г. была направлена грамота, скрепленная односторонней печатью (оттиском) диаметром 4 см с изображением всадника (вероятно, эта та самая печать, которая именовалась малой). Таким образом, путь создания новой государственной символики оказался так же тернист, как и путь самого Грозного, – от великого князя к самодержцу (которым, кстати, он официально так и не стал). После несколько затянувшегося экскурса относительно новых царских регалий вернемся к прерванной на полуслове летописной цитате.

Одно из главных последствий захвата Казани летописец видел в том, что "и безверныя языцы, Крым и Литва и Немцы, страховахуся." (ПЕРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 522), но они боялись не так сильно, как пытается представить автор вставки, написанной спустя не менее 10 – 15 лет после этих событий. На переговорах о продолжении русско-литовского перемирия в 1556 году русские дипломаты снова, как и в 1549 году, не сумели добиться включения слова "царь" в титулатуру Ивана IV. Тексты грамоты о заключении перемирия на 6 лет различались: в русском противне (экземпляре) грамоты царь назван своим новым титулом, а в экземпляре, подписанном литовской стороной и оставшемся в Москве (Опись... 1626 г. Ч. 1. С. 88), слово "царь" отсутствовало. Таков был итог длительной и ожесточенной, но совершенно безрезультатной для царя битвы за его "имя". К русскому тексту перемирия была приложена красная воскомастичная печать 8 см в диаметре на красном шнуре. Размеры ее несколько увеличились сравнительно с печатью деда, в легенде добавился новый титул – "царь", но тип самой печати остался прежним: были изображены двуглавый орел и всадник (Лихачев. 1903. С. 120). Правда, орел и всадник поменялись местами. Если в 1497 году всадник был изображен на лицевой стороне, то теперь он занял оборотную сторону. Сохранение старого типа печати совершенно естественно. В условиях 1556 года царю ни на что иное рассчитывать не приходилось. Внутри же страны употреблялась черновосковская прикладная печать с изображением крылатой фигуры, коронующей другую (Лихачев. 1903. С. 125). Эту гемму с Никой, коронующей Гермеса (Alef. С. 201), употреблял еще Иван III. Между тем территория Российского царства про-

должала увеличиваться. В 1556 году была завоевана Астрахань, которая в глазах русских летописцев была древней Тьмутараканью, а значит, отчиной русского государя, наследника Владимира Святого и Мстислава Удатного. И снова пополнился титул царя. На этот раз - словами "царь астраханский". А собственного сына Ивана Ивановича Иван IV велел называть цесаревичем, как гласит надпись на его шлеме, выбитая 8 июля 1557 г. (Арсеньев, Трутовский. С. 21; ОМОН. Ч. III. Кн. 2. С. 12). Но даже превращение России в колоссальную державу, территория которой узким "языком" спустилась по Волге до Каспийского моря, не привело к признанию царского достоинства Ивана IV со стороны польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа. В окружении собственных бояр, тогда еще далеко не царедворцев, но подданных, с трудом мирившихся с потерей свободы и превращением из верных слуг, имевших право покинуть собственного государя, в его безгласных холопов, над жизнью и смертью которых он был волен, в окружении глав соседних государств, пренебрегавших его новым, "царским" достоинством, Иван IV Васильевич лихорадочно искал выхода. Была в европейском мире сила, которая могла бы помочь царю поднять свой престиж. Эта сила - собор православных патриархов. К ней он и обратился. В августе 1561 года пришла грамота константинопольского патриарха, которая в Москве была истолкована однозначно - как согласие признать законным венчание Ивана IV на царство митрополитом Макарием. В официальной летописи сообщалось, что прибыли "грамоты благословленные на царство с патриаршескою подписью и печатаю... да и древних царей [0] поставление царском патриарх прислал". И далее: "Спи же Константинаграда Иосаф патриарх и все митрополиты... благословиша богавенчанного царя и великаго князя Ивана Васильевича веса Русин, еже быта и зватися ему царем законно и благочестие венчанному, понеже рода есть и крове царския" (Соборная грамота... С. 11 - 26; ПЕРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 334). Летописец выдавал желаемое за действительное. На самом деле патриарх отнюдь не был согласен с трактовкой венчания, произведенного митрополитом Макарием, как законного. Он предлагал повторить эту процедуру, но уже высшим церковным иерархом, т.е. патриархом (Тихонюк). Но Грозный, видимо, уже задумал

венчать сына Ивана. О том, какие меры в связи с этим предпринял царь, свидетельствует новая редакция чина венчания самого Грозного, которую можно отнести к 1561 году. В ней упоминается и о "чертежном месте", и о скипетре, введенных в царский обиход лишь в 1552 или последующих годах. Согласно этой редакции чина, Иван IV должен был сам отдать Ивану Ивановичу скипетр, врученный царю митрополитом, со словами: "Приими от Бога вданное ти скипетра правити хоругви великаго князя царства Русскаго" Церемония завершилась длинным поучением митрополита новопоставленному и нововенчанному царю. Можно думать, что царь сам готовил новое венчание, однако и на этот раз с помощью митрополита. Кроме того* сам он должен был выступить в роли, аналогичной роли императора при венчании наследника, т.е. в той роли, в которой уже выступал Иван III в 1498 году по отношению к Дмитрию-внуку. В начале 60-х годов мог быть изготовлен еще один символ царской власти - первый русский трон, по словам описи XVII века, "костяной стул" Ивана III. Этот типичный образец прикладного искусства эпохи Ренессанса был создан либо немецкими, либо итальянскими мастерами. Нарядное белое кресло высотой 138, шириной и длиной по 64 см, все покрыто накладными пластинами слоновой кости, на которых мастерски вырезаны композиции на библейские темы, изображения различных мифологических животных. На спинке "стула" помещен двуглавый орел, справа от него - единорог, слева - лев, эмблема владимирского княжения (ГОЛ. С. 365). "Стул" до сих пор еще не был предметом специального исследования, и с уверенностью относить его создание к 1561 году трудно. Три особенности "стула" заставляют сомневаться в этой датировке. Во-первых, крылья орла очень высоко подняты, что отнюдь не характерно для орлов времени Грозного, такое положение очень пышных крыльев присуще XVII веку. Во-вторых, орел увенчан тремя коронами, как обычно делалось с 1654 года. В-третьих, геральдический щит с изображением орла поддерживают в качестве щитодержателей те персонажи, которые стали очень распространенными лишь в геральдике XVII века. Можно указать, например, на печать межевщика Ф.А. Скрыбина 1631 года с композицией из стоящего льва и стоящего единорога (Иванов П.И. С. 20. Но 109. Табл. XII). Мода на такую композицию

могла прийти в Россию из Англии, где с 1603 года, с начала правления Якова I Стюарта, именно лев и единорог стали бессменными вплоть до нашего времени щитодержателями (Burke. P. IX). Для этих трех особенностей изображений на спинке трона можно найти различные объяснения. Можно говорить об участии иностранных мастеров в изготовлении кресла, о создании его в более позднее время или о реставрации кресла в XVII веке. Известно ведь, что пластины с батальными сценами появились на троне только в 1642 году. Пока же следует воздержаться от окончательной датировки в ожидании заключения специалистов. Если же принять гипотезу о создании "стула" в 1561 году, то легко представить картину приема царем всея Руси, казанским и астраханским иностранных послов. Белый цвет креслам белые одежды рынд - почетной стражи, вооруженная топориками-чеканами с позолотой на длинной рукояти, создавали образ "белого", т.е. свободного, царя. Так - "белым русским царем", по словам отечественных дипломатов, звали Грозного "окольные государи... хрестьянские... и бусурманские" (Сб. РИО. Т. 59. ь 31. С. 474. 22 VII. 1555). Во время последующих венчаний трон ставился на подиум - возвышение из 12 ступеней. Эта традиция со хранилась вплоть до 1896 года, до коронования последнего русского царя. Мы же вернемся к 1561 году, к тому, какие выводы сделал для себя из мнимого согласия патриарх; царь и к каким конкретным результатам это привело. Исследователи давно отмечали, что 1560 - 1561 годами датируется резкая смена позиции царя по отношению к своим подданным (Зимин. 1964. С. 86; Мельникова. С. 41) Иван Грозный еще в 1560 году круто расправился со своими бессменными в предшествующее время советниками - Алексеем Федоровичем Адашевым и благовецким попом Сильвестром, которые якобы взяли в свои руки все управление государством. Оба были высланы из Москвы - один на далекий северо-запад, в г. Юрьев (Дерпт, Тарту), который был захвачен русскими войсками в ходе продолжавшейся тогда уже третий год Ливонской войны. Другому выпала иная участь - ссылка в Соловецкий монастырь. В это время Грозный особое внимание уделил собственному окружению, как говорят сейчас, подбору кадров. Среди его приближенных первое место заняли так называемые "опричные люди". Они-то и стали зародышем

будущей "опричнины" (Зимни. 1964. С. 86). Особое внимание начали уделять и внешним формам царского облика на монетах, находившихся в обращении у самых широких масс. Любой мог держать в руках новые копейки, на которых вместо изображения всадника в трехчастном венце появилось изображение всадника в пятизубчатой короне (Мельникова. С. 41). Ясно было, что царь заботится о своем престиже внутри страны. Успехам в том же направлении на международной арене служила и реформа печатей в 60-е годы. Введение новой печати полугодом предшествовало получению ответа константинопольского патриарха. "Того же году февраля в 3 день царь и великий князь печать старую меньшую, что была при отце его великом князе Василие Ивановиче, переменял, а учинил печать новую складную: орел двоеглавной, а серели его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а серели его инърог" (ПЕРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 331). Золотая печать такого же, как и печать Василия III, диаметра - 7 см и толщиной почти в 1 см скрепляла договор Ивана IV с Данией от 7 августа 1562 г. Она была привешена на золотых нитях, узел на которых был украшен жемчугом (КГА. Е. Russland, No 8; Щербачев. 1893. С. 48; Бюлер. Табл. 12). Появление такой двусторонней печати Н.П. Лихачев назвал "реформой печатей", трактуя это событие как "образование особой государственной печати" (Лихачев. 1903. С. 137). По масштабам воздействия на русскую символику введение новой печати вполне может быть названо реформой. После 1561 года преобладающей стала печать с двуглавым орлом на обеих сторонах то без грудного щитка, то со щитком и всадником, со щитком и единорогом. Традиция расположения титула концентрическими кругами, как и концепция двусторонней печати с орлом, была унаследована многими преемниками Грозного - Федором Ивановичем, Борисом Годуновым, Дмитрием Самозванцем, Василием Шуйским, Михаилом Романовым, Алексеем Михайловичем (Бюлер. Табл. 23, 24, 26, 28, 29, 37, 41). В чем смысл этой реформы? Царь отказался от мысли о равнозначности эмблемы, символизовавшей его в качестве "государя", т.е. двуглавого орла, и эмблемы, символизовавшей Московское княжение, т.е. всадника. Главной была признана первая из них, второй отводилась подчиненная роль. Мало того, что отныне всадник располагался лишь в грудном

шитке орла, на аналогичном месте оборотной стороны печати возник другой символ, почти незнакомый до того русской геральдике, – единорог. Печать же должна была показать равнозначность этому новому символу старого московского всадника – "ездеца". Очевидно, это было сделано не без влияния опыта дипломатических сношений с литовским князем и королем польским – его дипломаты так и норовили заставить Грозного отказаться от всех титулов, чтобы вернуться к тому, который существовал до 1478 года, т.е. просто титулу великого князя московского. Понять смысл реформы может помочь новый знак на печати Грозного – знак единорога. Очень важно знать, как понимали в христианской мифологии этого фантастического зверя, когда и как проникли на Русь легенды и предания о нем, когда к символике единорога прибег царь Иван IV и как он трактовал данный символ? Эти вопросы и будут в центре последующего изложения темы о единороге.

Печать Ивана IV 1562 г

Итак, первый вопрос. Рог этого животного, похожего на лошадь (Сл.РЯ. Вып. 5. М., 1978. С. 28), уже в доисторическое время служил символом силы (Мурьянов. 1979. С. 101 – 105). Это впоследствии отразилось в обычае "древних славных мужей носить на главе роги или похожие на них высокие шапки" (Амбодик), подобные тем, что изобразил Микеланджело на своем Моисее. Изображения единорога известны на Древнем Востоке и в Греции, о нем писали и римский ученый Плиний Старший (I в.), и афинский архонт Солон (VI – V вв. до н.э.). В античности и при раннем христианстве единорог – символ силы, чистоты и целомудрия, а в Евангелии от Луки (I, 68, 69) он непосредственно связывается с обращением в христианство ("Бог... воздвиже рог спасения нашего").

Печать Ивана IV 1562 г.
Общий вид

Описание единорога из сборника христианской зоомифологии "Физиолог" II-III веков (запрещенного от 494 года о VII века) стало в средневековье источником геральдики и эмблематики. В католическом мире с XI века считалось, что единорог мог быть пойман только девственницей, поэтому он стал символом Девы Марии и мистическим символом вочеловечения Христа. Вот почему сцена сна единорога на коленях у Девы Марии изображена на алтаре Эрфуртского собора и клюнийском гобелене рубежа XV-XVI веков (Richter, Luch. S. 85). В геральдике единорог употреблялся для обозначения храбрости, целомудрия и благочестия (Grundel). Вероятно, это же значение имел он и на монетах рижского епископа начала XV века (Sacksendahls. Taf 11. ь 1, 3--5). На Русь предания о единороге попали вместе с греческим "Физиологом". В этот сборник они были занесены под влиянием Кузьмы Индикоплова (византийского писателя VI века) не ранее XI века. Другим источником сведений о единороге послужила средневековая повесть о житии Варлаама и Иоасафа, но в ней единорог - символ смерти, что и отражено в миниатюре Псалтыри 1397 год* (Спасский. 1976. С. 117).

Печать Ивана IV
Лицевая и оборотная стороны

Однако в русскую сфрагистику – здесь уже начинается ответ на второй вопрос о судьбе единорога – изображение этого фантастического животного проникло лишь в конце XV века. Печать верейского князя Василия Михайловича, привешенная к его договорной с Иваном III грамоте от 4 апреля 1482 г., представляет сцену борьбы единорога со львом (СТГД. Ч. 1. С. 253, 275; Лакиер. Табл. XIV. в 9). Печать Василия Михайловича несет новое изображение, отличное от того, что было на печати его отца. Михаил Андреевич Верейский с 1445 года использовал античные геммы – полудрагоценные камни с вырезанным изображением женщины с мечом или женщины с рогом изобилия, первую из которых идентифицируют с Афиной Палладой – греческой богиней войны, мудрости, ремесел, а вторую – с богиней плодородия (Лакиер. С. 90, 139, 147; Соболева. 1991. С. 166 – 167). Изменение эмблемы, вероятно, можно связать с женитьбой Василия Михайловича на племяннице Софьи Палеолог. Казалось бы, что лучше – Василий Михайлович становится свяком великого князя. Ан нет... Осенью 1483 года ему пришлось бежать из Русского государства, и нашел он пристанище в Великом княжестве Литовском под покровительством самого Казимира. А в чем дело? Когда родился Дмитрий, первый внук Ивана III, сын его старшего сына Ивана (от Марии Борисовны Тверянки) и Елены Стефановны Волошанки, великий князь захотел подарить невестке драгоценности своей первой жены. Выяснилось, что их уже нет, как нет и других предметов великокняжеской казны, которыми распорядилась его вторая жена Софья Палеолог. Она подарила их племяннице, тем самым снабдив ее приданым. Разъяренный Иван III решил отобрать подарки и "поймать" молодожена вместе с супругой. Так рассказывают об инциденте хорошо

осведомленные летописцы (ПЕРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 335; Т. XX. СПб., 1910 - 1914. С. 350). Хотя некоторые исследователи считали этот рассказ придворной сплетней, распускаемой недоброжелателями Ивана III (Базилевич. С. 31), оснований не доверять летописцам нет. Можно только предполагать, что рассказанный инцидент - вершина айсберга, видимая и не посвященным, что за этим конфликтом скрывались более основательные причины. А что более основательно для государя, чем его собственная власть? Ведь известно - это очень убедительно показал советский историк Л.В. Черепнин, - что в начале 80-х годов XV века происходил перелом в отношениях великого и удельных князей: Иван III значительно сократил права последних (Черепнин. С. 177 - 187). Что значило в таких условиях изменение печати, предпринятое Василием Михайловичем? Прежде всего отказ от старины, которую так старательно сберегали в средневековье, подводя под верность ей совершенно. Но вернемся к Ивану III. Разумеется, единственным разными действия и явления. Ивану III любое изменение казалось превышением власти удельных князей. Но сейчас интересно другое - откуда князь Верейский мог заимствовать эту эмблему? Может быть, из соседнего Тверского княжества? Хотя ни на монетах, ни на предметах быта, несомненно происходящих из Твери, в частности на знаменитой тверской рогатине Бориса Александровича, единорога нет. Значит, отпадает предположение, что это изображение было свойственно тверской традиции. Остается думать, что этот символ принесла с собой Софья Палеолог из Мореи. Именно там обнаружил русский придворный геральдист XIX века Б. Кёне единорога как "эмблему одной из префектур Византийской империи". Он полагал, что эта эмблема была принята вместе с двуглавым орлом (Кохне. 1861. Р. 13). Женившись на племяннице Софьи Палеолог, Василий Михайлович Верейский счел себя вправе воспользоваться и ее эмблемой. Можно понять и Ивана III. Он сам - государь вся Руси и великий князь необозримых просторов Северо-Восточной Руси - пользовался в это время скромной печатью с изображением поединка двух всадников. А какой-то мелкий удельный князь, получивший драгоценности из его же собственной казны, осмелился поместить на своей печати единорога, поражающего льва. Укажем, кстати, что данный мотив восходит к очень

древней, античной традиции, согласно которой в Африке единорог воевал со львом (Einhorn). Однако в самой Византийской империи, по мнению Б. Кёне, единорог служил гербом ее азиатской префектуры (Koehne. 1881. S. 4; ср.: Вилинбахов. 1982-2. С. 22 - 24). Но вернемся к Ивану III. Разумеется, единственный возможный для него ответ был "поймать и казнить" Но не удалось... Князь бежал, а идея использования единорога в качестве государственной эмблемы осталась. Ее постепенно стал "приручать" сам великий князь. На золотой монете - "корабельнике" Ивана III и Ивана Ивановича, повторяющем английские корабли Эдуарда III (1327 - 1377) с изображением корабля и креста, в углах креста львы были заменены единорогами (Спасский. 1976. С. 115. Рис. No 5). По-видимому, современны чеканке русского "корабельника" и миниатюры Угличской псалтыри 1485 года (воспроизводящие миниатюру Псалтыри 1397 года), несколько позднее была создана миниатюра Уваровской Библии 1495 года (Гранстрем. Табл. 2, Буслаев. С. 208 - 209. Рис. 24). На одной из чарок сына Ивана III - Семена Ивановича Калужского (умершего рано, в 1518 году) тоже изображен идущий единорог с опущенным вниз рогом (Арсеньев, Трутовский. С. 156). В целом, однако, единорог как эмблема верховной власти на Руси в конце XV века не прижился. В том ли дело, что первым ее употребил Василий Верейский, или в том, что находилась в опале Софья Палеолог, особенно после неожиданной и странной смерти Ивана Ивановича Молодого в 1490 году, вину за которую можно было свалить на венецианского врача Леона из окружения Софьи, или в том и другом сразу - трудно сказать. На новой великокняжеской печати в 1497 году появился не единорог, а двуглавый орел - символ императорской власти, в конце XV века означавший, что ранг государя вся Русь равен рангу императора Священной Римской империи. "Воскрешение единорога как эмблемы государственной власти произошло спустя почти три четверти столетия, уже при Иване Грозном. Прежде всего единорог стал популярен в канонической иконографии. Единорог изображен на соловецкой иконе 1547 года, а также на нижнем поясе иконы "Хвалите Господа с небес", на складно XVI века (Спасский. 1976. С. 115). По-видимому, в период идеологической подготовки венчания на царство и вскоре после него единорог

рассматривался как символ верховной власти. Через пять с небольшим лет после царского венчания, в январе того самого 1553 года, когда произошел пресловутый боярский мятеж, полнота верховной власти в глазах русских дипломатов идентифицировалась с образом единорога, вернее, его рога. В "Титулярнике" – сборнике фрагментов из посланий глав различных государств – в обращении к "кизыл-башскому шахтамасу" говорится так: "Прехвалныя степени великовоздержательную) власть приимшему превознесенную честь, яко рог инрога достигшему государьского имени" (Лихачев. 1903. С. 121. Прим. 3). В уже цитированной выше вставке в рассказ Царственной книги о событиях 1553 года речь идет о победе православия в Казани: "...Кресту въдрузившуся и православию процвитающу и рог христианский възвышашеся... и христианское Российское царство възвеличашеся." (ПЕРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 522). Здесь сопоставляются два рода победы – победа православия и победа Российского царства, принадлежащего – и это его главная особенность – к христианству. В данном случае рог употреблен "как религиозный символ христианства"; в близком к этому значении встречаем слово "рог" в летописном изложении отчета русского дипломата середины XVI века. Посланник Ивана IV Федор Вокшеринов в декабре 1555 года передал своему государю радость великого князя литовского и короля польского Сигизмунда II Августа по поводу того, что "царя и великого князя рука выситца, и впредь у Бога просит, чтобы множае того Бог возвысил рог христианск" (ПЕРЛ. Т. XI-II. М., 1965. С. 247 – 248). Несколько позднее рог стал синонимом скипетра (о самом скипетре см. выше). В послании новгородского архиепископа Пимена царю в 1563 году сказано: "Владыка Господь смирения нашего не презре, въздвиже рог спасения нашего тебе, боговенчанного царя, и вручил ти есть скипетра Росийскаго царствия, жезл силы, жезл достояния, устрояюща словеса на суде, хранящаго истину в веки, творяща суд и правду посреде земля и непорочным путем ходяща" Пропустим без комментариев панегирик Пимена царю. Мы привыкли к подобным славословиям, хотя и изложенным более современным языком. Продолжим цитату с небольшим пропуском: "Господь даст крепость князем нашим и вознесет рог Христа своего, жезл силы поедет ти Господь от Сиона" (ПЕРЛ. Т. XIII. С. 351

- 352). Здесь у слова "рог" другой оттенок - рог силы, символ не только христианства, но и власти, и этот оттенок восходит к христианским каноническим текстам. "...Враги Твои гибнут, и рассыпаются все делающие беззаконие; а мой рог Ты возносишь, как рог единорога, и я умощен свежим елеем; и око мое смотрит на врагов моих, и уши мои слышат о восстающих на меня злодеях" (Псалтырь. 91). Пожалуй, именно этот оттенок значения единорога как символа особенно привлекал Грозного в момент создания новой печати в 1561 году. С тем же значением использовали его и царские советники - члены Боярской думы в практике внешних сношений 1562 года, когда истек срок 6-летнего перемирия между находившимися в состоянии войны с 1560 года Русским государством и Великим княжеством Литовским. Бояре не были сторонниками продолжения войны, они не хотели воевать против единоверческого православного населения соседнего княжества. И вот осенью 1562 года начались переговоры, но не на уровне глав государств, а на уровне бояр, с одной стороны, и панов рады - с другой. 28 ноября 1562 г. в грамоте бояр И.Д. Бельского, В.М. Глинского, Д.Р. Юрьева-Захарьина назван титул царя и государя вся Руси с любопытным дополнением. Цитируем фрагмент грамоты: - "Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в Троице славимаго, милостию великого государя, яко рога пирога, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русин" (Сб. РИО. Т. 71. № 6. С. 102). То же самое повторено в боярской грамоте от 17 июня 1563 г., направленной Ил. Бельским, И.Ф. Мстиславским, И.И. Пронским, Д.Р. Юрьевым-Захарьиным литовской раде - виленскому епископу Валерияну, виленскому воеводе М.Я. Радзивиллу, Троцкому воеводе М.К). Радзи виллу и пану Троцкому Г.А. Хоткевичу (Сб. РИО. Т. 71. в 8. С. 148). И в 1562, и в 1563 годах бояре сравнивали царя, именно царя, а не просто его скипетр, как это делал Лимон, с рогом пирога (единорога). Как же следует понимать эти сравнения и изображение единорога на печатях Грозного? Был ли единорог собственным гербом царя, как полагали Татищев (С. 370), Лакиер (С. 147), Соболева (1991. С. 166), Сахаров (С. 67), или же символом царской власти, которую никак не хотел признавать Сигизмунд II Август, или символом опричнины (а печать с единорогом - "опришной")? "Оприч-

ной" считается печать на жалованной грамоте перемышльскому Шаровкину монастырю от 19 сентября 1566 г. (Садиков. 1940. С. 193, 198; Полосин. С. 155). Против последнего предположения говорит время бытования подобной печати, которое выходит за пределы опричнины. Выше уже упоминалось о печати с двуглавым орлом и единорогом на договоре с Данией от 7 августа 1562 г. Однако наряду с круглой двусторонней печатью употреблялась, приблизительно в то же время, и значительно меньшая по диаметру овальная односторонняя печать, на которой находилось только одно изображение – двуглавый орел с единорогом в щитке, но без какой бы то ни было надписи. Такая печать скрепляла послушную грамоту архимандриту Чудова монастыря в Москве Левкию на села и деревни в Вышгородском стане Верейского уезда 1566 года (Иванов П.И. С. 9. Табл. Wl. в 106). Следовательно, на протяжении семи лет опричнины единорог был представлен в царской сфрагистике самыми разными способами – и самостоятельно на оборотной стороне печати с двуглавым орлом на лицевой стороне (1562 и 1566 годов), и как композиция в грудном щитке двуглавого орла, и в комбинации с тем же орлом и всадником в щитке (1561 – 1562 годов) или отдельно (1566 г.). Для Грозного образ единорога имел весьма своеобразный смысл: этот символ утверждал его как носителя истинного православия, как представителя законной царской власти, был для него воплощением силы и непобедимости. С его помощью Иван IV настойчиво проводил мысль о своем высоком положении – не только государя всея Руси (его символом в этом качестве был двуглавый орел), но и царя. Использование образа единорога на печатях, как и самую реформу печатей, связывают с именем выдающегося политического деятеля времени Грозного – Ивана Михайловича Висковатого. С 1549 года он возглавлял Посольский приказ, а с 1561 года стал и печатником. Ему же была поручена так называемая воротная печать, которую он носил на шее (Граля). Висковатый погиб так же, как и большинство сподвижников Ивана Грозного. Он был казнен в июле 1570 года, когда обнаружился крах всей внешней политики Грозного. Победоносный поход на Полоцк оказался таким же бесполезным, как и вся Ливонская война: Владимир Андреевич Старицкий и бояре по предложению литовских панов рады настояли на прекраще-

нии похода тотчас по захвате Полоцка, его "волость" осталась в Литовском княжестве. Переговоры 1570 года не смогли изменить ситуацию. Город вошел в Российское царство без волости, стало быть, территориальный вопрос не был решен, а царь в глазах литовских бояр по-прежнему являлся просто князем. Отчетливо осознавший свое поражение после неудачных переговоров с представителями Речи Посполитой Грозный безжалостно казнил своих советников и дипломатов, устроив зверскую расправу над ними на Поганой луже в Москве. И 1570 годом – годом разгрома всей старой (и земской, и опричной) гвардии советников и дипломатов Ивана IV, проводивших его внешнюю политику на протяжении 1549 – 1570 годов, – завершается использование символа единорога на государственных печатях. Для текущих дипломатических отношений использовалась лишь средняя печать, так было и в 1561 – 1577 годах, и после 1578 года, когда большая печать уже существовала (Щербачев. 1915. С. 116. ь 422; Соболева. 1982. С. 184), а никаких договоров в это время заключено не было. Грамоты, направленные в Данию 5 апреля, 11 июня, 26 июля, 30 августа 1571 г., 7 августа и 6 сентября 1574 г., 2 января и в марте 1575 г., в августе и 6 октября 1577 г., в марте и августе 1580 г., в июне 1581 г., 24 июля 1581 г., скреплены печатью диаметром 7 см с двуглавым орлом и всадником в грудном щитке, как и на печати Василия III с. Внутри же страны в конце правления Грозного использовалась печать, восходившая еще ко временам Ивана III – с ездецом на лицевой стороне и двуглавым орлом на обороте. В титуле отсутствует слово "царь". Такой печатью скреплен приговор духовенства от 15 января 1580 г. с запрещением отбирать и выкупать монастырские вотчины (СГГД. Ч. 1. ь 200. С. 586). В начале правления (20 июля 1584г.) аналогичная печать была и у царя Федора (Там же. N202. С.592). Единорог же перекочевал на печать таких центральных учреждений, как приказ Большого прихода (сохранилась на указной грамоте от 15 января 1581 г. в Ростов Михаилу Кайбуличу по челобитию старицы Огафьи) (Лихачев. 1903 С. 122; ГНВ. Собр. акт. No 250), а потом Большого двора (известна печать на правой грамоте выигравшему в суде архимандриту Троице-Сергиева монастыря Нектарию 1638 года) (Иванов П.И. No 139). 0 последней приказной дьяк Григорий Котошихин

писал: "А вырезано на той печати инърог зверь" (Котошихин. С. 99). На дворцовой утвари единорог выступает в качестве щитодержателя на ряду со львом (Тройницкий. С. 26). В XVIII же столетии изображение этого фантастического зверя часто включали в личные дворянские гербы – Баташевых, Буниных, Владковских, Веригиных, Непениных (Гербовник... Клязева, С. 7, 15, 17, 20 – 21, 107). Следующей и довольно своеобразной сферой использования эмблемы единорога оказалась артиллерия. В посольстве Ивана Грозного за Ливонию, "обладателем" которой считал себя царской власти – единорогом. Первая такая пушка датирована 1577 годом и отлита знаменитым Андереем Чоховым. Орудие, плененное шведами, было выкуплено Петром I (Нилус. С. 113; Бранденбург. С. 58 – 59 Рубцов Н.Н. 1947. С. 37 – 38, 48, 58; 1951. С. 22 – 25 чтобы в том числе напомнить о тщетных попытках Ивана Грозного прославить свое царское имя. Романовы унаследовали от Ивана Грозного этот обычай – "знаменоваться орудия (равно как топоры, седла, саадаки и т.д.) своими эмблемами – орлом, львом, единорогом и грифом (Таубе 1913. С. 113) или различными комбинациями из этих эмблем (Тройницкий. С.26), т.е. полным набором символов своей власти, в том числе эмблемой Романовых. Клеймение пушек изображением единорога – это уникальное явление в истории культуры. Если в католических странах Запада единорог служил символом вочеловечения Христа, непорочности и целомудрия, то в России третьей четверти XVI века он стал символом воинственности, которую так усердно насаждал Иван Грозный, создавший поистине культ войны. История использования единорога в знаковой системе ценностей Руси и России XV – XVI веков обнаруживает парадоксальное явление. Несмотря на то, что во всем средневековом европейском мире использовались одни и те же символы, восходящие к общехристианской философии, их существенная значимость была разной. Разной была она и во времени. Символ единорога Василия Михайловича Верейского и Ивана Грозного, многочисленных Романовых ясно это показывает: для первого он означал лишь родственную – по браку – причастность к дому Палеологов, для второго – царскую власть в полном ее объеме, для третьих – представлял собой больше "товарную" метку, а не знак власти. Госу-

дари веся Руси сначала по образцу Священной Римской империи Германской нации усвоили эмблему имперской власти – двуглавого орла и лишь спустя полстолетия признали эмблему царской власти, утверждая свои права на эту последнюю, – единорога. В качестве символа царской власти они, возможно, восприняли герб одной из областей Византийской империи, лишь через 100 лет после падения Византии использовав ее традиции оформления печатей. Введение образа единорога в русскую государственную эмблематику в 1561 году открыло целый период "ползучей сфрагистической реформы", в ходе которой создавались новые печати для новых и старых земель Российского царства. В середине 60-х годов были "учинены" две печати – Ливонской и Новгородской земель. Первая из них, от 1 сентября 1564 г., по описанию летописи, имела "клейно" (клеймо. – А.Х.)ъ. орел двоеглавный, а у орла у правые ноги герб печать маистра ливоньского, а у левые ноги герб печать юриевского бискупа; около же печати подпись: "Царского величества боярина и Вишлянские земли боярина и наместника и воеводы печать" (ПЕРЛ. Т. XI–II. М., 1965. С. 386; РИБ. Т. 3. СПб., 1876. Стб. 230). И хотя печати ливонского магистра и юрьевского бискупа помещены на гербовых щитах, в целом изобразительная часть печати Ливонской земли не соответствует ни царскому, ни наместничьему титулу. Иван IV лишь с начала Ливонской войны до 7 августа 1561 г. (времени заключения договора со Швецией) носил титул "государя Ливонской земли, града Юрьева и иных". Поэтому указание на дерптского епископа в 1564 году – некоторый анахронизм. Не соответствует легенде и герб ливонского магистра: его эмблема представлена фамильным гербом рода Фюрстенбергов, из которого и произошел магистр (Саболева. 1981. С. 155), в 1560 году плененный русскими и в 1567 году скончавшийся в плену. Цель создания подобной печати ясна – закрепить права на территорию Ливонской земли, где власть самого царя представлял его наместник и воевода. На следующий год появилась печать наместников Великого Новгорода. На ней было изображено "место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а с другую сторону рысь, а под местом рыба" (ПЕРЛ. Т. XIII. С. 398; Т. 29. М., 1965. С. 347). В летописном сообщении о введении новой печати было точно указано ее назначение:

"Печатати грамоты перемирные с свойским королем Новугорду о перемирии и грамоты пошыпные печатати о порубежных и о всяких делех ко свейскому королю", т.е. действие этой печати ограничивалось только одной, дипломатической сферой, да и то лишь отношениями со шведским королем. Шведское королевство, созданное в 1523 году, воспринималось Иваном Грозным как иерархически низшее сравнительно с Российским царством. Там с 1523 года правил Густав Ваза, основатель династии шведских королей. Он был избран, но не унаследовал свой титул от предков. Одно это уже унижало его в глазах царя, возводившего свою родословную не только к Рюрику, но и к самому императору Августу. Об этом Грозный никогда не забывал и при случае высказывал свое отношение шведскому королю. Поскольку в конце XV века, после потери независимости, Новгород вел переговоры со шведскими наместниками из династии Стуре, то и договор 1537 года Швеции пришлось заключать с новгородскими наместниками (Каштанов. 1978. С. 214–218), которых русские власти считали равными по рангу шведским королям. Не менее содержателен и другой предмет, включенный в печать новгородского наместника, – "место". Изображенное на печати трехступенчатое сооружение – "место" соответствовало той "степени", на которую вступал (садился) во время венчания князь или будущий царь. "Степень" была символом любой власти, в первую очередь княжеской. В "Валаамской беседе" – памятнике середины XVI века – говорится и о царской степени: "Парне на своих степенех царских не возмугут держатися" (Моисеева. С. 166). Термин "место" впервые появляется в чине венчания Дмитрия-внука в 1498 году: "Митрополит и князь великий, вшед, седоша на своих местех, а внук стал перед ними у места на высшей степени, не всходя на место" (Идея Рима... С. 68, 72). В приведенном контексте можно считать, что "место" – это лишь верхняя площадка "степени" или даже седалище, заменявшее трон, т.е. лавка или удлиненная табуретка. Посох, изображенный лежащим на "месте", – символ новгородского веча и одновременно символ княжеской власти в XVI веке – для царя был некоторым анахронизмом. С начала 50-х годов его вытесняет скипетр. Н.Г. Порфиридов пишет: "С точки зрения центрального... правительства они (степень и жезл. – А.Х.) должны были символизиро-

вать не республиканские права бывшей вольной земли, а восстановление в ней прав великокняжеской (царской) власти, временно узурпированных" (Порфиридов. 1969. С. 193). Изображение на "царского величества боярина и Великого Новагорода наместника печати" 1565 года не имело ничего общего с новгородскими печатями времени самостоятельности. Печати 1565 года предшествовала другая – печать наместника Новгорода, привешенная к перемирной грамоте августа 1561 года, где были помещены два зверя: справа – похожий на рысь, а слева – на львов с "печатаей Великого Новагорода". На ней впервые появилось изображение рыси, которая входила в герб финской провинции Тавастия (Емь русских летописей) (Lind). Однако такая печать продержалась недолго. Льва сменил медведь уже в 1564 году. В это время медведь, несущий меч, стал гербом двух финских провинций (Южной и Северной), которые получил от своего отца – шведского короля Густава Вазы его сын, князь Финляндии Юхан. В его княжеский герб также было включено изображение медведя. "Финляндский медведь" должен был стать эмблемой нового Финско-Ливонского княжества, создать которое Юхан должен был благодаря браку с сестрой Сигизмунда II Августа в 1572 году. В ее приданое входили 7 крепостей в Ливонии, на которые претендовал и Иван IV. Помещая на своей новгородской печати изображение "финляндского медведя" и рыси, Иван IV ясно давал понять шведскому королю свои притязания на финские провинции и финско-ливонские земли (Линд. С. 216 – 218). Наконец, последний элемент новгородской эмблемы на печати 1578 года – это рыба, изображение которой входило в герб Нарвы. На этом гербе рыба размещалась под датской короной, на русской печати она оказалась под символами русской власти – "местом" и посохом. Таким образом, комбинация из места, посоха и рыбы символизировала власть Ивана IV над Нарвой, завоеванной русскими войсками в 1558 году (Линд. С. 221 – 222). "Печать государства Великого Новагорода", как гласила круговая надпись на ней, с течением времени стала прикалываться и к актам внутреннего управления, в коих она именовалась просто "государевой печатью". Таким образом, первоначальное предназначение печати и ее практическое применение с течением времени перестали соответствовать друг другу. Печать, созданная в целях

"упорядочения" внешних сношений, вернее, ради оформления амбиций царя, стала использоваться и во внутренней жизни страны. Только в сфере внешних сношений употреблялась последняя из печатей Ивана Грозного, которую принято называть большой государственной. Известны пять экземпляров ее красновосковых, по византийскому образцу (Schwarzenberg. S. 125), оттисков - на верительных посланьях и грамотах царя 1578 и 1583 годов датскому и шведскому королям, а также на послании Лжедмитрия I сандомирскому воеводе Юрию Мнишку от 5 ноября 1605 г. (СГГД. Ч. 11. в 104. С. 228). Диаметр оттисков - 11,7 см. Таким образом, эта печать, действительно, самая большая из всех печатей Грозного, дошедших до нашего времени. Она наиболее богата и по содержанию. Это двусторонняя печать, на лицевой стороне которой в "среднике" изображен двуглавый орел с всадником на грудном щитке, а на оборотной, тоже в "среднике", - орел с единорогом. Кроме центральных эмблем, на печати помещены квазимедальоны с региональными гербами и надписями вокруг них. Сам принцип размещения земельных гербов вокруг центрального средника следует иностранному образцу, имперской печати и печати короля польского и великого князя литовского (Pipping, Tengstrom). На печатях императоров, от Сигизмунда до Карла V, находятся эмблемы территорий (corona regni), как и на печатях польских королей и литовских князей, у последних число эмблем ("воеводств с городами") непрерывно увеличивалось: у Владислава Ягеллы их было 7, у Сигизмунда I - 11, у Сигизмунда II Августа, Генриха Валуа и Стефана Батория - по 12. Не исключено и воздействие печати епископа Эстонской земли Эзеля-Вика 1562 года (этим епископом с 17 апреля 1560 г. стал Магнус Голштинский) (Лихачев. 1903. С. 138; Hellmann. S. 337; Stokl. S. 52 - 53). Не случайно в архиве Посольского приказа вплоть до 1626 года хранились польские (короля Владислава, по-видимому, Владислава Ягеллы) и литовские большие и малые "без городов" печати (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. в 1. Л. 4). Молодое Шведское государство, утверждая свой суверенитет и поднимая престиж, также следовало польско-литовскому образцу (Pipping, Tengstrom. S. 125 - 126). Западноевропейское влияние первый и наиболее серьезный исследователь печати немецкий историк Г. Штёкль усматривает и в одной-единс-

твенной короне, увенчивавшей орлиные головы с 1497 года, как это было и на печатях немецкого императора и польского короля. Рисунок же короны очень напоминает корону на печати 1482 года Василия Михайловича Верейского. Земельные эмблемы расположены по кругу по часовой стрелке в такой последовательности: "Печать царства Казаньского, печать псковская, печать Великого княжества Тверского, печать пермская, печать болгарская, печать черниговская, печать Новагорода Низовския земли, печать вятцкая, печать югорская, печать Великого княжества Смоленского, печать царства Остороханского, печать наместника Великого Новагорода"; на оборотной стороне: "печать полотцкая, печать ярославская, печать удорская, печать кондинская, печать арфибископа рижского, печать города Кеси, печать маистра Лифляндския земли, печать сибирская, печать обдорская, печать белоозерская, печать ростовская, печать рязанская" Если читать надписи земельных эмблем слева направо и вниз, то видно, что региональные эмблемы почти соответствуют титулу царя Ивана IV в том виде, в каком он сложился к 1577 году и как он дан в двух круговых надписях на самой печати (возле "средника" и возле внешнего края): "Б(о)га в Тр(ои)цы славима(го) м(и)л(ос)тию великий г(осу)д(а)рь ц(а)рь и великим кня(зь) Иванъ Васильевичъ всея Русин и владимирский, московский, ноугородский, ц(а)рь казанским, ц(а)рьастороханским, г(осу)дарь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятцкий, болгарским и иных, г(осу)дарь и великий князь Новагорода Низовския земли, черниговски(и), // рязанский, полотыцкий, ростовский, ярославский, белоозерский и господарь отчинны(и) облаадатель земли Лифляндския немецкого чину, удорский, обдорский, кондинский и всея Сибирския земли и всея Северныя страны повелитель и иных многих земель и государь и обладатель". Гербы и надписи при них не вполне точно передают царский титул и не вполне ему соответствуют. Среди изображений отсутствует владимирская печать, хотя в титуле определение "владимирский" предшествовало "московскому". И такой порядок перечисления земель в объектной части титула сохранялся до 1672 года. Только в "Титулярнике" (сборнике титулов европейских государей) 1672 года определение "владимирский" переместилось на второе место.

Тверь и Смоленск на печати названы великими княжествами, в отличие от Рязани и Нижнего Новгорода (Stokl. S. 51), хотя два последних и были в свое время великими княжествами. Отсутствуют гербы земель Удорской, Обдорской и Кондинской, равно как и Северной страны. Термин же "Северная страна" вошел в употребление уже в конце 50-х годов XVI века. Он встречается в тексте грамоты о 40-летнем перемирии со Швецией 1557 года (Линд. С. 203). А спустя десять лет, в 1566 году, литовские дипломаты укоряли русских: "Государь ваш пишет в своих титулах Нижней Новгород и весе Сибирские и Северные страны повелитель" (Сб. РИО. Т. 71. No 16. С. 384). Однако в 1557 году специальной эмблемы "Северная страна" не получила. Лишь в Титулярнике 1672 года ее представлял конь, вставший на дыбы, над спиной и под ногами у которого располагались две восьмиконечные звезды (Титулярник. С. 42). Наибольшие разночтения наблюдаются между титулом и ливонскими эмблемами. Титульному "господарю отчинному... земли Лифляньские" соответствует, вероятно, "печать маистра Лифляньския земли", а под "северная страны повелителем и господарем имеются в виду "печать арфибископа рижьского" и "печать города Кеси" (Вендена). Существовали ли до 1578 года региональные эмблемы, которые затем и были размещены на печати, или они создавались специально для этой печати, а уж потом приобрели значение региональных эмблем" Пример новгородской эмблемы показывает возможность первого пути. Пример тверской и многих других свидетельствует об обратном. Думается, что большинство этих эмблем создано только специально для печати 1578 года, а уж потом они стали региональными, еще позднее - городскими.

Большая государственная
печать 1583 г.
Лицевая и оборотная
стороны

Разби-
рался ли в эмблемах и сфрагистике создатель большой го-
сударственной печати Ивана Грозного? Вопрос этот был
поставлен известным гербоведом начала XX века С.Н.
Тройницким и кажется тем более уместным, что целый ряд
эмблем, мягко говоря, неточен. "Печать арфиепископа
рижского" заменена изображением на рижских шиллингах
XVI века (Stokl. S. 59 - 60). Несколько сложнее обстоит
дело с тверской и смоленской эмблемами. Эмблема Твери
того времени не соответствует более поздней печати, где
изображен престол - "стол", еще позднее - трон, на ко-
тором покоится великокняжеская шапка. На рассмат-
риваемой печати, равно как и в описи 1627 года (РГАДА. Ф.
136. Оп. 1. в 1. Л. 3), ей придана печать Великого кня-
жества Смоленского. А надпись "печать тверская" окружа-
ет пушку с сидящей на ней птицей. Эта эмблема позднее
была смоленской. По описи 1627 года "тверская печать -
медведь ходячей, а под ним земля" (Там же), которая
позднее стала ярославской. Поэтому трудно сказать, были
ли перепутаны эмблемы на большой государственной печати
Грозного. Это остается предметом спора. Связь эмблемы
"стол" с шапкой со "Сказанием о князьях владимирских",
где говорилось о началах средневековой государственности,
несомненна. По Сказанию в качестве непосредственных
предшественников московских князей выступают тверские,
происхождение которых в свою очередь связывает их со
смоленскими. Создатель печати мог сомневаться, кому от-
дать пальму первенства как предтече столицы - Смоленску
или Твери. Однако это не объясняет появления смоленской
эмблемы на месте тверской, которая была известна еще во

времена независимости Смоленска. Если предположить, что изображение и надпись создавались одновременно (на чем настаивает датский исследователь Дж. Линд), то легко можно понять, почему эмблемы, соответствовавшие определению в титуле, расположенным рядом, могли оказаться перепутанными. Конечно, и такой вывод условен. Для большой государственной печати Грозного характерна тесная связь с общественной мыслью того времени. Очевидна зависимость смоленской, а в будущем тверской эмблемы со "Сказанием о князьях владимирских", где шапка должна символизировать власть московского царя (Stokl. S. 56). Можно указать и истоки казанской эмблемы. Это повесть "Казанская история", созданная почти одновременно с печатью Грозного - в середине 60-х годов. Казанское ханство идентифицируется в ней со змеем. Есть некоторые основания думать и о воздействии международной практики на формирование казанской эмблемы. Современникам и особенно геральдистам Ивана Грозного было хорошо известно, что золотой дракон выступал в качестве щитодержателя герба английских королей Генриха VII, Генриха VIII, Эдварда VI и королевы Елизаветы I (Burke. P. XLIX. LVII, IX; Williams. P. 22 - 23), с которой Иван IV так упорно и тщетно искал союза. На 60-е годы приходится активные переговоры Грозного

то с представителем английской Московской торговой компании А. Дженкинсоном, то с Рафаэлем Барберини, прибывшим в Москву с рекомендательным письмом королевы, то снова с Дженкинсоном. Включение дракона как эмблемы покоренного Грозным "царства" в его печать должно было свидетельствовать - вне зависимости от субъективных намерений царя - о том, что он претендовал на такое же высокое положение, какое занимала и английская королева, к союзу с которой он стремился. Два слова нужно сказать еще о пеленкой эмблеме, так называемых "колгюнах". Она не имеет ничего общего с полоцким гербом последующего времени Речи Поспалитой, когда гербом города был корабль (Цімоу. 1989. С. 166 - 169), а гербом Пеленкой земли - всадник с поднятым мечом - "погонь" (Kuczynsky S.K. 1993. S. 99, 113), и его гербом в Российской империи, когда, согласно указу от 21 октября 1781 г., был утвержден герб с государственным орлом и "поганью" (Соболева. 1981. С. 199). Не имеет она и ни-

каких аналогий с пеленкой традицией XIV – XV веков Ци-поу. 1993). "Колюмны" объясняли по-разному: это-де и фамильный герб Гедимина, и герб Генуэзской Каффы с изображением городских ворот, и церковное знамя, и вариант буквы "Т", и модификация того соединения альфы и омеги, которое известно на монетах Владимира. Особенное распространение "колюмны" получили на литовских монетах начиная с XIV века (Соболева. 1981. С. 155; Kiersnowski. 1985. S. 154 – 155; 1988. S. 2 – 10) и на монетах последних королей из династии Ягеллонов в XVI веке, в особенности Сигизмунда II Августа и Батория после его избрания королем Речи Посполитой (Граля). Именно монеты и послужили образцом для полоцкой эмблемы большой государственной печати Грозного. Казалось бы, очевидно противоречие: русские официальные лица, как светские, так и духовные, рассматривали завоевание Подонка в 1563 году как возвращение исконной отчины в лоно России, как своеобразную "православную реконкисту" (сравнение И. Грали) и в то же время использовали в качестве его герба изображение на литовских монетах. Включение в большую государственную печать знака литовских князей на монетах подчеркивало роль Грозного как их правопреемника (сообщение Грали). Модификация же "знака Рюриковичей" в пределах Великого княжества Литовского доказывала православие жителей Полоцкой земли, как и других русских земель, а в середине XVI века – верность их религии предков и законность борьбы Ивана Грозного в поддержку единоверцев. На этом можно было бы закончить обзор региональных эмблем большой государственной печати Грозного, завершив его словами Н.П. Лихачева: "Печати Московской Руси не были гербами" (Лихачев. 1903. С. 141). Региональные эмблемы дают основание согласиться с Н.А. Соболевой в том, что "теория местных традиций как исходного момента в формировании комплекса эмблем, сгруппированных на лицевой и оборотной сторонах русской государственной печати XVI в., кажется довольно гипотетической" (Соболева. 1981. С. 159). Печать Грозного 1577 – 1578 годов включает в себя и другие символы. Большое место занимает на ней дважды повторенный на каждой стороне печати в тринадцатом квазимедальоне голгофский крест, или крест со страстями, вернее, с орудиями страстей – копьём и тростью, водруженный на схема-

тическом изображении горы Голгофа, где был распят Христос, и головой Адама у основания креста. Смысл такого креста – спасение Адама и соответственно всего человечества. Современник Грозного – философ Зиновий Отенский писал: "А еже на главе Адама въдружен крест, понеже на кресте распяты Христос и копьём прободеса в ребра, изыде кровь и вода, да кровью землю и от нее созданного Адама освятит" (Калугин. С. 260). Крест окружен надписями: IC (Иисус) слева, XC (Христос) справа на уровне перекладины, ЦРЬ (царь) слева, СЛА (вы) справа над перекладиной, НИ//КА под перекладиной и КО(пье)//ТР(ость), МЛ//РЕ (место лобное рай есть) (Stokl. S. 63). Вокруг верхнего креста на лицевой стороне круговая надпись: "Древо дарует древнее достоиние", а на оборотной – "Христова хоругвь христианам похвала", смысл которых сводился к тому, что крест возвращает Адаму то достоинство, которого он лишился после грехопадения, а слава христиан – знамя Христа. У человека середины XVI века эти надписи могли рождать много аллюзий – и борьбы за "прародителей своих достоиние", и мученичества в этой борьбе за православие и правоверие, и сознание гордости за свою страну, оплот ортодоксальной веры: "...Православная греческая христианская вера яко солнце сияет" (Сб. РИО. Т. 71. С. 198, 263). Появление Голгофского креста А.Б. Лакиер связывал с расширением титула царя Ивана Грозного в 1562 году за счет включения слов: "Бога в Троице славима милостью" (Сб. РИО. Т. 71. С. 198, 199, 202, 204, 212, 260, 354, 355) вместо "Божиею милостию" (Там же. С. 206, 208 – 210, 215, 217, 223, 226, 233, 237, 241, 248, 257). Последний вариант богословия один раз включен в титул Василия II в его докончании с Казимиром 31 августа 1449 г. (ДДГ. No 53. С. 160; Романович-Славатинский. С. 136) и стал постоянным в титуле великих князей с 1485 года. Г. Штёкль, тщательно проанализировавший историю Голгофского креста в XV веке и причины его помещения на печати Грозного, возражал Лакиеру, поскольку в соответствии с титулом следовало бы ожидать изображения Троицы, подобной той, что имеется на печати псковского посадника Елисея (Stokl. S. 69; Янин. 1960. С. 262). По мнению Штёкля, "виновником" помещения креста на печати ливонского наместника 1564 года был митрополит Макарий.

Крест же был символом правоверного, причем единственного правоверного царства – России, принявшего крещение в Корсуне–Херсоне, на печатях которого он изображался и в XI веке (Соколова. С. 112). Можно пойти и несколько дальше: крест на большой государственной печати был символом единственного правоверного государя, которому она принадлежала, – самого Ивана Грозного. Не случайно его предшественниками по использованию Голгофского креста на печатях были новгородские архиепископы. Заимствуя у них этот опыт, Иван IV сопоставлял себя самого – владельца печати – с новгородскими владыками и представлял себя их наследником. При датировке большой государственной печати Грозного мысль исследователей колебалась между 1563 и 1577 – 1578 годами. Первую дату определяет завоевание Подонка, уже включенного и в титул, и в ряд земель, нуждающихся в эмблеме. Вторую – древнейший сохранившийся экземпляр печати 1578 года. Сложилось три точки зрения: печать была создана в 1563 году, эту дату предлагали Штёкль (S. 68) и Соболева (1981. С. 153); печать была вырезана в 1577 году (Лихачев. 1903. С. 137, 138; Соболева. 1982, 1991, 1993); печать была изготовлена в два этапа – изобразительная часть в 1563, а окончательный вид печать приняла во второй половине 1577 – первой половине 1578 года, когда изобразительная часть и легенда были совмещены (Lind. S. 481–494; Линд. С. 209). Как видим, новейшие исследователи склоняются к более поздней дате. Не представляется возможным поддерживать и мысль о двухэтапном изготовлении печати. Дело в том, что на своеобразной медали времени Грозного – золотом наградном, созданном вскоре после завоевания Полоцка (на это указывает титулатура царя в круговой надписи, где "иолотьчки кн(язь)" предшествует таким титулам, как "ц(а)рь казаньский" и "ц(а)рь асьтер(хан)ске"), расположение комбинированных композиций из орла и единорога и орла и всадника не соответствует их расположению на большой государственной печати: единорог на золотом наградном оказался в грудном щитке орла на лицевой стороне, а всадник переместился на щиток оборотной стороны (Долгорукий. С. 16; Спасский. 1960. С. 111). Таким образом, эмблема Московского княжения – всадник – уступила свое место эмблеме царской власти на лицевой стороне золотого наградного. Вряд ли в одно и

то же время могли чеканить печать и наградной с разным расположением сторон. Впрочем, и в XVII столетии золотые наградные сохранили такое же расположение сторон: орла с единорогом – на лицевой стороне и орла со всадником – на оборотной (Спасский. 1960. С. 113–114). Автор теории о двухэтапном составлении большой государственной печати Дж. Линд уточнил состав изображений на ней: вместо мифического медальона с печатью города Ревеля на всех экземплярах печати была "печать города Кеси" т.е. Вендена, столицы Ливонского ордена – города, принадлежавшего России весьма краткое время – в 1562 году и второй раз – с сентября 1577 по октябрь 1578 года. Между тем в сознании русских печать этого города не разделялась с печатью магистра. В Царском архиве, опись которого относится к 1572–1575 годам, хранились лишь "печать юрьевская (которая была помещена на пе-

'Приводим круговую надпись полностью: "Б(о)жиею м(ило)стию ц(а)рь и велики кн(зь) Иван Василевич веса Руси вла(ди)мерски, московски, /ноугор(од)чке, псковьски, полотьчки кн(язь), ц(а)рь казаньскии, ц(а)рьасътер(хан)ске" (Долгорукий. С. 16).

чати русского наместника в Ливонии 1564 года. – А.Х.) да магистра Белима Ферштенберхова печать вельянская" (Зимин. 1978. С. 86). Таким образом, и изобразительная часть не может быть отнесена ко времени до 1572 – 1575 годов, и, похоже, гипотеза о двухэтапном создании печати теряет некоторые доказательства. Созданием большой государственной печати закончилась сфрагистическая реформа Ивана Грозного, закончилась эволюция государственной символики в его царствование. Своей печатью 1561–1562 годов Иван IV создал образец, которому позднее следовали его преемники на российском царском престоле – Федор Иоаннович в 1585 и 1589 годах, Борис Годунов – в 1598 и 1602, Лжедмитрий I – в 1606, Василий Шуйский – в 1606 и Михаил Федорович – в 1618 годах, а печатью 1578 года – образец, по которому создавались государственная печать и герб в XIX веке. Идеологические основы самодержавия и православия, столь отчетливо выраженные в печати Грозного, находили полное

понимание у самодержцев не только XVI – XVII, но и XIX – XX веков. Пусть эмблемы большой государственной печати примитивны, а воображение сфрагиста не шло дальше воссоздания образов животного мира или воинственных образов, пусть его познания в области ливонских гербов были ничтожны, пусть он перепутал некоторые только что созданные эмблемы, но при всем том идеал самодержавия, воплощенный в эмблеме могущественного центра и покорно повернувшихся к нему (вопреки геральдическому порядку) эмблем регионов, и торжество православия, воплощенное в кресте, который дважды освящает корону Российского царства, были выражены чрезвычайно убедительно. Преемниками Грозного была востребована и использована идея притязания на земли соседних государств. Она и легко читается на печати, где помещена "ливонская" эмблема, и обнаруживается в титуле, куда был включен термин "обладатель". Хотя ливонская эмблема и термин "ливонский" в титуле во второй половине XVII века на время исчезали, идея, заложенная в печати и титуле Ивана Грозного, сохранялась как движущая сила российской внешней политики очень долго.

Печать Василия III 1516 г.

Но даже неожиданно обнаружившаяся древность рода не помогла Василию III добиться столь долго и упорно желаемого им церковного венчания. Удачливого соперника и победителя Дмитрия-внука не поддержали его собственные бояре. Василий III в течение всего своего 28-летнего правления должен был удовлетворяться положением невенчанного государя. Поэтому он вынужден был пользоваться теми же печатями, что и его отец. Образцы их сохранились в Датском королевском архиве. Верительные грамоты

русским послам 1516 и 1523 годов скреплялись красновосковыми печатями диаметром 7 см, а договор от 1 июня 1516 г. снабжен золотой печатью диаметром 4 см. В надписи на этой последней печати, в отличие от красновосковых, Василий III именуется царем и государем. На всех этих печатях изображены всадник и двуглавый орел.

Печать с такими же эмблемами получил и его сын Иван IV, прозванный Грозным. Он стал великим князем в трехлетнем возрасте, тотчас по смерти отца в 1533 году.

В его долгое, полувековое правление было создано огромное количество печатей, которые в письменных источниках того времени называются по-разному: и по материалу – золотая или черновосковая, и по месту употребления – путная, походная, и по размеру – большая, средняя, меньшая, и по типу изображения и надписей – обычная, рядовая, кормленая, и даже по способу хранения – воротная, т.е. носимая на шее.

Историки не вполне точно могут определить, какие символы несли на себе те или иные печати. Ясно только одно, что основная масса новых печатей приходится на время после царского венчания Ивана IV в 1547 году. Первый – великокняжеский период его правления был периодом формирования личности будущего Грозного с присущими ему неуравновешенностью, чувством неполноценности, которое он испытывал из-за упорно распространявшихся слухов о его происхождении, отнюдь не великокняжеском (поговаривали о связи его матери Елены Глинской с Овчиной Телепневым Оболенским), из-за невнимания и неуважения к нему со стороны бояр и из-за его раннего сиротства (мать умерла, когда Ивану IV было семь лет).

Во время десятилетнего боярского правления члены Думы мало считались с юношей. Являясь формально великим князем, фактически Иван был игрушкой в руках разных боярских клик (Зимни. 1960. С. 248 – 270). В результате годы великого княжения Ивана IV не дали ничего нового в развитии символики верховной власти.

Иное дело – второй период. Он начался венчанием Ивана IV на царство 16 января 1547 г. Митрополит Макарий, всецело преданный идее поднять авторитет верховной власти, сумел организовать царское венчание, которое одновременно укрепило и престиж государства. Этот день оказался днем возникновения нового наименования страны,

в которой правил потомок далекого Рюрика и князя всея Руси Ивана Колиты. 16 января 1547 г. государство стало называться Российским царством. Термин "Росна" употреблялся и в X - XII веках и эпизодически в XV веке (Поте; Ямин. 1970. Т. 1. С. 15, 26, 51; Мен. 1974. С. 35; Woodoff. 11. P. 143 - 145; Ill; Soloviev. 1966. P. 148), но только в 1547 году он обрел точный политико-географический смысл и стал официальным наименованием страны, подвластной Ивану IV (Тихомиров. 1973. С. 11 - 15; Хорошкевич. 1990. С. 290 - 291). Обряд венчания на царство проходил в том же порядке, как и великокняжеское вен-

чан не сводного дяди Ивана Грозного - Дмитрия-внука (Miller. S. 559 - 574; ср.: Богданов).

Грозный держал речь к митрополиту, утверждая, что отец Василий Иванович не только благословил его "стать на то великое княжение", но и повелел "помазаться и венчаться тем царским венцом и нарещися... боговенчанным царем по древнему нашему чину". Затем, после ответной речи митрополита, тот одел Ивану IV на шею крест "животворящего древа", прочел молитву "Царь царствующим", одел бармы ("диадиму сиречь бармы"), после соответствующей молитвы водрузил ему на голову венец и отвел к царскому месту (СГГД. Ч. IV. No 33. С. 42).

Процедура венчания была полностью проведена митрополитом, который выступал здесь в роли патриарха. Ведь в Византийской империи, кончившей свое существование в 1453 году под ударами Османского султаната, императора венчал патриарх. Замещение патриарха митрополитом придавало некоторый оттенок незаконности присвоения Иваном IV царского титула. Кроме того, новое качество русского государя представляло собой разрыв с традицией, столь высоко почитаемой в средневековье (Miller). Создание новой редакции "Сказания о князьях владимирских" должно было обосновать миф о происхождении династии Рюриковичей от императора Августа и служить доказательством правомерности венчания 1547 года (тонов. 1995).

Другие европейские государи отнюдь не торопились признавать новый царский титул Ивана IV (Glötwier, Хорошкевич, 1994). Особенно упорен был в этом король польский и великий князь литовский Сигизмунд 11 Август. Многочисленные переговоры с его дипломатами в Москве и

русских послов с ним самим ни к чему не приводили. Великий князь литовский и король польский (а с 1569 года глава единого государства – Речи Посполитой), – напротив, всячески подчеркивал, что новый царь – внук недавнего ордынского холопа Ивана 111.

Особенно оскорбительно отказ литовских послов включить в текст порембранской грамоты с Россией титула "царь" звучал в 1549 году, вскоре после венчания. Тем более что неудача царя на внешнеполитическом поприще совпала с такой же и внутри страны. Далеко не все его собственные подданные, даже самые приближенные, видели в признании "имени", т.е. титула, государя самую важную внешнеполитическую задачу страны, они протестовали против попыток Грозного начать войну с непочтительным соседом.

Большую часть своего царского правления, за исключением последних 14 лет. Грозный был занят тем, что пытался утвердиться в новом качестве среди всех остальных государей Европы. Отметим попутно, что такой проблемы не стояло перед первым императором на царском троне Петром, хотя бы потому, что он вскоре после "превращения" в императора умер. Но для Грозного идея признания царского титула была навязчивой идеей, идеей-фикс, которой он подчинил и свою внешнюю, и свою внутреннюю политику.

Однако царь не успевал противостоять противникам усиления царской власти на двух фронтах – и собственным подданным, и внешним соперникам. Не помогло и триумфальное покорение Казанского ханства, торжественно отмеченное в Москве шествием пленных во главе с самим ханом Едигером, в сопровождении верблюдов и всего православного воинства, семь лет совершавшего походы на Казань. Завоевание Казани в 1552 году принесло Ивану IV новый титул – царя казанского. Это событие подробно описано в официальной летописи, названной Царственной книгой. Ее редактировал и дополнял, по-видимому, сам царь уже значительно позднее. В одной из таких поздних вставок о казанской победе рассказано так: "Но понеже сему сице съвершившуся в славу Божию и скверному жилищу в Казани разорену и кресту въдрузившуся и православию процвитающу, и рог христианский възвѣвшася и повсюду крестоносной хоругви прославляемо сущи и Христово имя

прослаадыся и христианское Росийское царство възвеличашеся и бесерменская жилища изспражняхуся, Казань и Азстрахань." (ПЕРЛ. Т. XIII. М., 1965. С. 522).

Прервем пока на этом месте панегириста - русского царя, чтобы определить, что же принесло завоевание Казанского ханства в плане интересующей нас темы о государственной символике. Прежде всего завоевание этого ханства - "царства", по терминологии того времени, давало, казалось бы, новые основания претендовать на титул царя. На завоевание Казанского ханства русские дипломаты теперь в январе 1554 года ссылались как на аргумент для доказательства законной власти (Сб. РИО. Т. 59. No 28. С. 437).

Титул Ивана IV пополнился наименованием "царь казанский". Трудно сказать, сопровождалось ли увеличение титула торжественной церковной церемонией, подобной той, что была в 1547 году; скорее всего обошлось без этого. Но после взятия Казани число царских регалий существенно увеличилось - казанской шапкой, скипетром и "местом". Первая из них - казанская шапка - необычна по форме. Ее верхняя часть украшена возвышающимися запонами - "городками" с прорезным травным орнаментом, которые, вероятно, должны были заменить зубцы обычных корон. А рядом с ними на венце громоздятся и огромные драгоценные камни - алмандины и бирюза, крупные жемчужины. Тулью шапки завершает небольшое сферическое навершие с конусообразным крупным янтарем между двумя жемчужинами (ТОП.

С. 346 - 347). Шапка была сделана после 1552 года при дворе Грозного. В истории создания этого венца неясно лишь одно - принадлежала ли она первоначально самому Грозному или предназначалась для крещенного под именем Симеона Бекбулатовича Сани-Булата, племянника последнего казанского хана Едигера Махмута, который был пленен и с остатками своего двора и верблюдами торжественно приведен в Москву. В XVII веке, судя по описям Оружейной палаты, распространялась вторая и более правдоподобная версия. Возможно, шапка была изготовлена англичанами. По словам послов Речи Поелолитой, к 1573 году за высокую и очень дорогую корону мастерам уплачено соболями 130 руб. (АЗР. Т. III. No 56). Своей роскошью казанская шапка затмевала короны западных государей.

Русские государи, в XVI веке стремившиеся поднять свой престиж, пытались перещеголять соседей пышностью двора, роскошью регалий. И это им удавалось.

Имперский посол И. Пернштейн писал о приеме его Грозным 27 мая 1575 г.: "На главе у него был венец, почти такси же, как корона его святейшества папы, хранящаяся в замке Сент-Анджело... Видел я корону испанского короля со всеми регалиями и короны тосканского великого герцога... и многие другие, в том числе и короны его цесарского величества Угорского и Чешского королевства, а равно и французского короля. Но уверяю.., что ни одна не может равняться с короною московского великого сына". Описывал он и регалии царевича Ивана Ивановича, "венец которого лежал на лавке, и в руке не было скипетра, а посох его отца". Поразили посла и головные уборы царя и наследника, которые были надеты на них во время званого обеда: они "имели на голове нечто вроде греческих скуфеек с одним красным яхонтом спереди величиною с яйцо" (Пернштейн. С. 12 - 13).

Почти то же писал и другой посол императора, Ганс Кобенцель: "В жизнь мою не видел я вещей драгоценнейших и прекрасных. В минувшем году видел короны или митры святейшего нашего господина... Видел я корону и все одеяния короля католического... видел многие украшения короля Франции и его императорского величества как в Венгерском королевстве, так и в Богемии и других местах. Поверьте же мне, что все ни в малейшей степени сравниться не может с тем, что я здесь видел" (Вержбовский).

По внешнему виду ни шапка Мономаха, ни казанская шапка не были похожи на короны, которыми пользовались европейские короли. Не смущаясь этим обстоятельством, иллюстраторы Лицевого свода начиная с 1553 года неизменно изображали царя в пятизубчатом венце, как и других королей, и императоров, и ханов Орды.

Ко времени завоевания Казани, к рубежу 1552 - 1553 годов, относится и начало употребления царем скипетра, который, однако, как новый "чин", т.е. предмет, входящий в состав регалий, считался ниже рангом, чем венец и бармы (Stokl. S. 23 - 26).

Скипетр - регалия очень древнего происхождения, восходящая ко временам античности, когда он был непременно

ной принадлежностью Зевса (Юпитера) и Геры (Юноны), затем консулов, а также византийских императоров, выступавших в качестве пожизненных консулов с 542 года (Deer. S. 408), а также с IX века западноримских императоров (Romer-Buchner. S. 55, 59, 80). Скипетр должен был "овеществить" право царя на титул. Смысл его был понятен каждому иностранцу, но отнюдь не русскому человеку, поэтому писцы, копировавшие или составлявшие завещание Грозного, исказили слово "скипетр" почти до неузнаваемости: "скатерть, а по-немецки центурь" (ЛДГ. С. 433; Sfokl. S. 24). Ошибки в этом слове писцы (С. 346 - 347). Шапка была сделана после 1552 года при дворе Грозного. В истории создания этого венца неясно лишь одно - принадлежала ли она первоначально самому Грозному или предназначалась для крещенного под именем Симеона Бекбулатовича Саин-Булата, племянника последнего казанского хана Едигера Махмута, который был пленен и с остатками своего двора и верблюдами торжественно приведен в Москву. В XVII веке, судя по описям Оружейной палаты, распространялась вторая и более правдоподобная версия. Возможно, шапка была изготовлена англичанами. По словам послов Речи Посполитой, к 1573 году за высокую и очень дорогую корону мастерам уплачено соболями 130 руб. (АЗР. Т. III. ь 56). Своей роскошью казанская шапка затмевала короны западных государей. Русские государи, в XVI веке стремившиеся поднять свой престиж, пытались перещеголять соседей пышностью двора, роскошью регалий. И это им удавалось.

И снова одноглав не времени Смуты

В своем завещании, в датировке которого мнения историков и сегодня расходятся весьма значительно, Грозный писал: "Благословляю сына моего Ивана крест, животворящее древо, большей цареградской. Да... крест Петра Чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего, князя Ивана Даниловича, и весь род наш" (ДДГ. ь 104. С. 433). В духовных грамотах самого Ивана Даниловича Колиты, как и многих его потомков, ни тот, ни другой крест не упоминаются. Правда, в завещании Ивана II фигурирует "цепь золота с крестом", и не одна (ДДГ. С. 16, 18). Вероятно, такие же цепи оставил своим детям и

Дмитрий Иванович, не указав при этом, что они были с крестами (ДДГ. в 12. С. 36).

Борис Годунов

В духовных Василия I одна из них превратилась в "чепь крестъчатую, што мя благословил отец мой". А наряду с нею появился и первый крест, названный отдельно от цепи: "Крест честный животворящий патреаршъ филофеевской" (ДДГ. No 22. С. 61). Наконец, по духовной Василия II, его сын Иван (будущий Иван III) должен был наследовать "крест Петров чудотворцев" (ДДГ. No 61. С. 197), который просто как "честной и животворящим крест" упоминался в договоре Василия II с Иваном Андреевичем Можайским 1436 года (ДДГ. No 51. С. 151, 153, 155). В завещании Ивана III все кресты, передаваемые им Василию III, названы, наконец, так же, как в духовной Ивана IV (ДДГ. в 88. С. 352). Таким образом, процесс метаморфоз с имуществом великих князей московских в этой сфере завершился. Того же Ивана Ивановича Грозный благословил "царством Руским, шапкою мономаховскою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему, царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда" (ДДГ. С. 433). Здесь тоже много новшеств: и формула "чин царский", т.е. совокупность всех инсигний, и титул Владимира Мономаха - "царь". Отдельно Иван III упоминал все то, что он сам прибавил к наследству, полученному от предков: "Благословляю... всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил, и посохи, и скатерть, а по немецки центурь" (Там же). Здесь перечислено то, о чем уже шла речь в предшествующем разделе. Трон, скипетр, бармы и венцы-шапки - все это парадные регалии царя,

которые использовались лишь во время торжественных выходов, приемов иностранных послов и т.д. Повседневным символом власти был посох, такой же, каким пользовались и предки Грозного. Однако у первого царя этот посох был астр, как оружие. По рассказу французского капитана Маржерета, побывавшего в России во время Смуты, Грозный "ударил его (собственного сына - Ивана Ивановича Молодого. - А.Х.) концом жезла с насаженным четырехгранным стальным острием (этот жезл в форме посоха никто не смеет носить, кроме императора; этот жезл великие князья принимали некогда от крымских татар как знак вассальной присяги)" (Россия... С. 149). В массовом сознании посох был столь неприкосновенной частью царских инсигний, что всякое покушение на него запоминалось очень надолго. Около 40 лет держалась память о непочтительном отношении бояр к посоху царя Василия Ивановича Шуйского. М.И. Чулков в своем доносе-извете 1646 года на Александра Федоровича Нащокина вспоминал, что отец последнего Федор Иванович Нащокин самовольно - и в этом был весь криминал - взял из рук царя Василия царский посох (Соловьев. Кн 5 Т. 9. 1961. С. 462). Однако уже при наследниках Ивана Грозного посох отступил на второй план сравнительно со скипетром. Последний вошел даже в титул сына Грозного Федора Иоанновича: "Бога в Троице славимаго милостию скипетродержателя Российского царства" (К-ГА-А. 11. 17. I-VIII. 1595 г.). Согласно чину венчания царя Федора, в 1589 году в качестве четвертой регалии использовался скипетр. Перенесение его из казны в Успенский собор "на честь святому животворящему кресту и своему царьскому венцу" было доверено конюшему, должность которого исполнял Борис Годунов, двум казначеям и двум дьякам (Идея Рима... С. 106). Еще яснее значение, которое в конце XVI века придавали скипетру, выясняется из драматической сцены смерти царя Федора. Умиравший, по словам К. Буссова (немца, находившегося на русской службе), пренебрег просьбой своей супруги Ирины Федоровны Годуновой передать скипетр ее брату - правителю (который до сего дня хорошо управлял страной). Царь этого не сделал, а "'протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей (Романовых) - Федору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру". Но Федор Никитич его не взял, отказались и все

остальные три брата (по очереди). "А так как умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: "Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невмозготу больше держать его". Тогда правитель... протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон схватил его" (Буссов. С. 80 - 81). Трудно сказать, что в этой сцене правда, а что вымысел, кроме желания Бориса наследовать шурина. Важно лишь понимание скипетра как символа реальной власти, которую можно передать вместе с ним. В том же значении употреблен термин "скипетр" в "Повести како отомсти всевидящее око Иисус Христос Борису Годунову". Борис принимает скипетр Российской державы (или Великой России, или Российской области), когда иссяк "скипетрадержавный корень", т.е. умер последний Рюрикович (Буганов, Корецкий, Станиславский). При Федоре изменился и статус царя. При венчании он был помазан в алтаре, как архиерей, став таким образом первым помазанником Божиим. Следовательно, эта часть обряда венчания на царство появилась с некоторым опозданием. Но и в Византии, на которую так долго ориентировалась Русь и Россия, помазание было включено в обряд коронования лишь в XII веке (Sickel. S. 475). Одновременно Федор первым был назван самодержцем, а Россия - "православным самодержавным царством" (Sinner. S. 57-58; Успенский Б-А. 1991. С. 1200-1202). Итак, страна превратилась в теократическое государство. Впервые в чине венчания появилось и словосочетание "Великая Россия" (СРГД. Ч. IV. ь 51. С. 75. 30 июня 1584), хотя именно так называл константинопольский патриарх страну еще в Соборной грамоте 1561 года (Соборная грамота... С. 16, 21). Титул самодержца унаследовал и первый царь, занявший русский трон в результате избрания, - Борис Годунов. К прежним регалиям добавил еще одну, хорошо известную на Западе, - державу, которая в чине его венчания именовалась "яблоко". По форме она действительно напоминала яблоко: это был шар, завершавшийся крестом и украшенный священными изображениями, символ солнца и космоса, власть над которыми принадлежала Христу и лишь отчасти "делегировалась" им императору (Coldhammer. S. 521, 523 - 529). Держава вручалась вместе со скипетром и прежним напутствием, как надо "вданное ти скипетра правити хоругви Великого Российского царства" (СРГД. Ч.

11. ь 51. С. 78, 80. 30 июня 1584). Русские и до 1598 года имели представление о державе, хотя бы по изображению на древнейших русских монетах. Но на них держава воспроизводила византийский образец, в числе же русских регалий она появилась в конце XVI века, должно быть, вследствие оживленных связей России с другими европейскими странами и желания Бориса Годунова уравнивать свою власть с властью соседних государей, прежде всего Речи Посполитой (там держава тоже называлась "яблоко"). "Сне яблоко - знамение царствия твоего. И яко... сне яблоко в руне своей держиши, так... держи и вся царствия, вданная ти от Бога, от враг блюдимо и непоколебимо", - говорил при венчании царю Борису патриарх Иов 3 сентября 1598 г. (ДАН. Т. 1. 1846. С. 242-243). На кольцах байданы (кольчуги из плоских колец) Бориса Годунова были вырезаны слова: "С нами Богъ, никто же на ны" (Арсеньев, Трутовский. С. 13). Три первых слова в XIX веке вошли в девиз российского государственного герба. Борис Годунов пополнил царский чин еще одним тронем, который был подарен ему персидским шахом Аббасом в 1604 году. На басме густо рассыпаны драгоценные камни - хризолиты, турмалины, топазы и бирюза (ТОП. С. 367). Но Годунову недолго пришлось пользоваться роскошным подарком. Его семилетнее правление завершилось в 1605 году. А вслед за тем наступили "смута и безгосударство" - так определяли современники сущность драматических событий, развертывавшихся на их глазах и при их участии в начале XVII века. Появление самозванца, смерть государя, законно избранного на русский престол, - Бориса Годунова, воцарение Лжедмитрия в Москве, восстание против него, попытка нового самозванца утвердиться в качестве русского царя, избрание царем Василия Шуйского - все эти перипетии политической жизни огромной страны осмысливались в литературе того времени в прежних образах, заимствованных еще из "Физиолога". Литературные произведения переполнены сравнениями со львами и змеями. То в качестве льва изображался ЛжеДмитрий I (по воцарении Бориса "восстал из своего логовища лютый молодой лев, подлинно враг, не столько человек") (Смута... С. 101), то им становился Василий Шуйский, а Лжедмитрий, правда, уже II, превращался в змея. В "Повести о некоей брани" рассказывается о видениях "огромного и дивного льва" и

"лютого и прегордного змея". Огромный лев – это "наш благочестивый поборник христианской веры царь и великий князь Василий". Звери, вокруг него толпящиеся, – это его подданные, православные народы, российские сыны, стоящие с ним за правоверие. А "прелютый и прегордый змей" – коварный тушинский царь, ложный царевич Дмитрий, окружающее же его множество змей – его сторонники, окаянные, отрекшиеся от Бога народы (Там же). Сдвиги произошли не только в представлениях писателей и публицистов Смутного времени. Сдвиги произошли и в политической терминологии того времени. Лжедмитрий I утвердил в России новое ее название, вернее, новое только для русских – Московское государство. Еще с конца XV века, когда Иван III принял титул государя всея Руси, в Великом княжестве Литовском и в Короне Польской, а вслед за ними и в Ватикане новое государство стали именовать просто Московским, а его главу – московским великим князем. Тем самым подрывались идеологические основы претензий государей всея Руси на территории, входившие некогда в состав Русской земли. В 1570 году, находясь под впечатлением многодневных переговоров, в которых он сам принимал активнейшее участие, Иван Грозный употребил этот политико-географический термин. Однако настоящая жизнь термина началась с приходом в Москву Лжедмитрия I. Для этого "цесаря" страна, на власть в которой он претендовал, была Московским государством или Московской монархией (сГД. Ч. 11. в 76, 95, 99. С. 159, 212, 220. 25. V, 16. VIII, 13. IX 1605 г.), а вовсе не Россией, как она стала называться в 1547 году, после венчания Грозного на царство. В обращении своем к виднейшим боярам – князьям Ф.И. Мстиславскому, Василию и Дмитрию Ивановичам Шуйским Лжедмитрий писал: "На Московском государстве сел брат наш великий государь царь и великий князь Федор Иванович" (Смута – С. 45, 49). Для русских начала XVII века скипетр наиболее часто олицетворял собой власть, так часто и так странно переходившую из рук в руки. В "Повести о некоей брани" идет речь о 1607 – 1608 годах, "в царствование благочестивой державы Богом венчанного, и Богом помазанного, и Богом почтенного и христоролюбивого поборника святой православной веры, доблестного миротворца, державного самодержца и прекроткого скипетродержателя благочестивой Великой

России, держащего скипетр великих государств, лежащих на востоке и на севере". И. Тимофеев в своем "Временнике" рассказывает о попытках "изменнически отдать российский скипетр сыну короля латынского Сигизмунда Владиславу II" В Смуту к скипетру добавилась еще и булава жены первого самозванца, сделанная из хрусталя, с цевьем (стержнем) из слоновой кости и зеркальцем – дар персидского шаха Аббаса, преподнесенный при посредничестве армянского купца (Арсеньев, Трутовский. С. 31). На церемонии бракосочетания Лжедмитрия с Мариной Мнишек 8 мая 1606 г., вероятно, как и на его коронации в июле 1605 г. (описание последней не сохранилось), использовались прежние регалии вплоть до креста и покрывала на шапку – "поволоки" с саженым (нашитым) жемчугом крестом. Для новоявленного "сына" Грозного был установлен "дедовский" "престол персидский золот с камением да колотей золотая". Имперский посол Георг Паэрле, присутствовавший на церемонии, так описывал трон: "Сидел он на высоких креслах из чистого серебра с позолотою под балдахин; двуглавый орел с распушенными крыльями, вылитый из чистого золота, украшал сей балдахин; под оным внутри было распятие, также золотое, с огромным восточным топазом, а над креслами находилась икона Богоматери, осыпанная драгоценными камнями. Все украшения трона были из литого золота, к нему вели три ступени, вокруг него лежали четыре льва серебряные, до половины вызолоченные, а по обеим сторонам на высоких серебряных ножках стояли два грифона, из коих один держал государственное яблоко, а другой – обнаженный меч". В так называемом дневнике Марины Мнишек описание еще более восторженное: львы были величиной с волка, грифоны – такой величины, что касались колонн, балдахин – из четырех щитов, поставленных крестом, а золотой орел великой цены возвышался на шаре, укрепленном среди щитов. Этот же трон представлен и на картине А. Котерского, воспроизводящей оригинал Вишневецкого замка. Важно отметить детали: на церемонии обнаженный меч был вручен пятому, добавленному Лжедмитрием рынде (слуге). Впоследствии меч вместе с пятым рындой исчез на весь XVII век (Юзефович. С. 104). "Царицу" увенчали короной – это был первый в истории России случай коронации женщины "диадемой" (термин, на венчании Федора заменивший ста-

рый "венец") (Акимов. С. 64), прежде возложив на нее животворящий крест (СГГД. Ч. II. С. 138 – 192). Корона не прижилась пока – Василий Шуйский I июня 1606 г. венчался по-прежнему "царским венцом и диадемой" (Там же. С. 261). В начале XVII века среди регалий мнимых и настоящих царей начинает фигурировать порфира – пурпурные одеяния, принадлежность византийских императоров (Schwarzenberg. S. 125). Еще в "Сказании о князьях владимирских" они не были обязательны для русских государей, во "Временнике" же И. Тимофеева это уже обычная принадлежность царской одежды. Основное же новшество – корона соответствовала титулатурным претензиям Лжедмитрия I. На сделанных в Польше коронационных медалях он именовался то "irmperator" то "цесарь роский", то "царь великий князь всея России и всех татарских королевств и иных многих государств Московской монархии подданных, господарь король и обладатель и цесарь России и самодержец". "Король" и "цесарь" на обеих медалях представлен в короне: "Мы не только князь, не только царь, но также император в своих обширных владениях... Не только князи и господари, но и короли состоят под скипетром нашим и нам служат" (Карзинкин. С. 79. Табл. 1. Рис. 8; Мельникова. С. 83 – 84; СГГД. Ч. 11. С. 261). По-видимому, и сама корона происходила из Речи Посполитой. На золотых, чеканенных на Московском денежном дворе, был помещен обычный титул вокруг двуглавых орлов либо вокруг орла и единорога на лицевой и оборотной сторонах (Мельмакова. С. 85). На печатях же и Лжедмитрия I, и Лжедмитрия II оставались прежние изображения, оба они сохранили эмблемы Московского княжения. Так, сохранились печать и доспех, приписываемый Лжедмитрию I (Кондаков. 1891. С. 299; Ленц. Апрель. С. 134; Май. С. 166). На них орел с распахнутыми и поднятыми вверх крыльями находится под тремя коронами, из коих средняя – королевская. На печати Лжедмитрия I другого типа трехстрочная надпись окружает двуглавого орла в двух коронах, между которыми возвышается Голгофский крест (СГГД. Ч. а. N" 130. С. 280. 11. 1605; Бюлер. С. 5). В легенде на его печатях присутствует термин "самодержец" (Koehe. 1861. P. 19). Сохранилась и печать Лжедмитрия II: на красновосковой печати, привешенной на красном шелковом шнуре к жалованной грамоте Иль-мурзе Юсупову,

детям его и племянникам на имение Романовское, изображен всадник, поражающий дракона. Круговая надпись гласила: "Царь и великий князь Дмитриеи Ивановичь Божией) милостию веса Русин господарь". Эта грамота "дана... на нашем стану под Москвою в Коломенском лета 7118 августа в 22 день" (Юсупов. Ч. 2. С. 120-122). Его же печать приложена к посланию Юрию Мнишку от 12 апреля 1609 г. (СГГД. Ч. 11. Но 179. С. 362). Печать, специально вырезанная для Лжедмитрия II, претендовала быть общегосударственной. Но в стране уже складывалось многовластие, по крайней мере двоевластие. В первом ополчении под Москвой его глава Прокопий Ляпунов весной 1611 года выдавал такие же жалованные грамоты, как и все цари. Скреплял он их, правда, не государственной, а собственной печатью. Текст в них гласил: "Лета 7119-го году марта в 4 день Великия Российския державы Московского государства бояре и думной дворянин и воевода Прокофеи Петровичь Ляпунов по совету веса земли дали в поместье Остафью да Михаиле Крюковым да Семену Зыбину старое их поместье". О печати же говорилось так: "К сен ввозной грамоте думной дворянин и воевода Прокофеи Петровичь Ляпунов и печать свою приложил" (Акты... Юшкова. Но 298). Почти так же оформлялись документы в первом ополчении и в июне 1611 года. В отказной на поместье читаем: "Великие Росиские державы Московского государства от бояр и воевод от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да от Ивана М(арты)новича Заруцкого, да от думного дворянина и воеводы от Прокофья Петровича Ляпунова в Кашин губному старосте Степану Екимову... А отказные книги за своею рукою прислал бы сей к нам в полки в Поместной приказ". Несмотря на то, что уже воссоздавалась система государственного управления, существовавшая раньше, монеты все еще чеканились от имени Федора (Мельникова. С. 123), а государственной печати не было вообще. Документы скреплялись печатью Ляпунова: "К сей грамоте думной дворянин и воевода Прокофеи Петровичь Ляпунов печать свою приложил лета 7 1 1 9-го июня в... день" (Акты... Юшкова. в 299, 300; Ай. Т. 11. в 398. С. 395). Даже оттесненный на третье место среди руководителей Первого ополчения, Ляпунов сохранил свое право запечатывать грамоты общегосударственного характера. Но прежде чем продолжить изложение, в котором автор старается добро-

совестно пересказать собранные Н.П. Лихачевым документы (а он собрал не только их, но и редкие печати Смутного времени, нашел матрицу одной из них и систематизировал материал в маленьком сфрагистическом шедевре под названием "Земская печать Московского государства в Смутное время" (М., 1914), сделаем передышку и обратим внимание на политико-географическую терминологию грамот марта - июня 1611 года, которые удостоверены печатью Ляпунова. Во всех них употребляется довольно длинное наименование - "Великия Росииския державы Московское государство". Здесь наличествуют уже и знакомый термин "Московское государство", и новый. Но сначала о Московском государстве. По форме точно такой же, каким пользовались польско-литовские дипломаты с конца XV века и какой употреблял Лжедмитрий I, по сути этот термин имел совершенно иное значение. Он территориально ограничен, отнюдь не охватывает всю территорию страны, а только ту, на которую распространялась реальная власть "бояр и князей, думного дворянина и воеводы". Ведь Новгород и Новгородская земля находились под властью шведов, приглашенных еще Василием Шуйским для борьбы с самозванческим воинством. В связи с ограниченностью территории, подвластной Первому ополчению, вполне естественно и закономерно употребление термина "Московское государство", которое и соответствовало этой территории. Вся же страна в целом называлась Великой Российской державой. Определение "Российская" существовало уже с 1547 года. В чине венчания Федора Иоанновича появилось и еще одно - "Великая". А вот термина "державы" раньше не было, да и не могло быть. Пока во главе страны стоял царь, было царство. Отсутствие законного царя вызвало к жизни новое понятие - "державы", которое благополучно дожило до нашего времени. В привычном для нас смысле - "страна", "государство" - этот термин сформировался только во второй половине XVI века. Впрочем, на северо-западе Руси его употребляли в новом значении и раньше - в XIV - начале XV века. До этого он означал лишь власть, могущество, владычество, правление (Сл. РЯ. Вып. 4. С. 222). Итак, на протяжении весны 1611 - февраля 1613 года Россия именовалась Великой Российской державой. В ней шло постепенное образование органов центрального управления - приказов - в Ярославле и под Москвой (Лю-

бомиров. С. 12 - 14). 30 июня 1611 г. было принято постановление относительно так называемой земской печати: "А печать к грамотам о всяких делах устроить земскую, и о больших о земских делах у грамоты быта руке боярской" (Забелин. 1901. С. 267; Платонов. С. 502. Прим. 215). 28 июля, через 6 дней после убийства Прокопия Ляпунова, в одной из ввозных грамот (на право вступить во владение землей) состав властей, их полномочия и скреплявшая документ печать охарактеризованы иначе, чем это было в первой половине 1611 года: "Великий Российския державы Московского государства бояре и воеводы князь Дмитрией Тимофеевичь Трубецкой да Иван Мартыновичь Заруцкой по совету всей земли дали... поместье. А у подлинной грамоты бояре и воеводы князь Дмитрией Тимофеевичь Трубецкой да Иван Мартыновичь Заруцкой велели земскую печать приложить лета 7119 июля в 28 день". Такие же формулировки сохранились до конца 1611 года (Акты... Юшкова. № 302, 305; Юсупов. Ч. 2. С. 125). Печать во всех этих документах названа земской, кроме единственного списка ввозной грамоты Ермолаю Уварову (Полевой. С. 114). Это была прикладная печать, а не вислая. Право прикреплять вислую печать бояре и воеводы Второго ополчения сохраняли за будущим царем и государем (Лихачев. 1914. С. 8). С января 1612 года в текст грамот стала включаться оговорка о временном действии акта ополчения: "А как аждат Бог на Московское государство государя, и то велит государь по книгам и по дачам на ту его вотчину дача вотчинную жалованную грамоту за красною печатью" (Акты... Юшкова. № 307; ААЭ. Т. 11. № 207. С. 362). Вислая красновосковая печать, по выражению Н.П. Лихачева, считалась "принадлежностью государя", обычная же оговорка о будущей печати государя "позволяет думать, что и изображение на земской печати отнюдь не случайного характера" (Лихачев. 1914. С. 12). Земская печать крайне редка. Н.П. Лихачеву удалось обнаружить лишь два экземпляра. Один из них находится на окружной грамоте о ненарушении тарханских грамот, данных Кириллову монастырю 20 октября 1611 г. "от Великия Российския державы Московьскаго государства от бояр от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да от Ивана Мартыновича Заруцкого" Грамота скреплена земской печатью: "К сен грамоте бояре князь Дмитрией Тимофеевичь Трубецкой да Иван Мартыновичь

Заруцкой волели земскую печать приложить". Такая же черновосковская печать приложена к грамоте, данной Кузьме Борисовичу Смагину 4 января 1612 г. (Лихачев. 1914. С. 12). Н.П. Лихачев так описывает эту земскую печать: "В центре... одноглавый орел с разинутым широко клювом. В когтях у него нечто извивающееся, что можно было бы объяснить змеею, но... является, скорее, ветвью дерева, опорой для орла". К мысли о змее вернулся рецензент труда Н.П. Лихачева Д. Кобеко, ссылаясь на то, что орла на дереве никогда не изображали (Кобе/со. С. 12). "По сторонам орла находится слово "земская", являющееся продолжением круговой надписи, в которой первое слово "Великие" и последнее "печа(т)" (Лихачев. 1914. С. 12). Такой же печатью пользовались и в Ярославле, хотя и там первоначально документы скрепляли личной печатью Дмитрия Михайловича Пожарского (сохранился документ от 8 апреля 1612 г.) с изображением двух стоящих на задних лапах львов. По ее образцу была создана и другая печать. На ней львы держат щит, где хищная птица клюет человеческую голову, а под щитом находится дракон. Круговая надпись гласила: "Стольник и воевода князь Дм. Мих. Пожарский-Стародубский". Создавая приказные учреждения - чета и Поместный приказ. Второе ополчение заимствовало и земскую печать, такую же, какая была в Первом у князя Трубецкого. Отписка в Галич от "бояр и воевод и Дмитрея Пожарского с товарищи" от 15 мая 1612 г. была скреплена черно-восковой печатью с изображением одноглавого орла (АН. Т. 11. С. 336). Таким образом, и у Трубецкого, и у Пожарского были печати с одинаковым изображением, но сделанные разными матрицами (формами). Хотя Второе ополчение пришло под Йоскву уже 20 августа 1612 г., "единачество" (соглашение, объединение) обоих ополчений было достигнуто лишь в октябре. С этого времени все документы стали исходить от имени двух воевод. Ввозная грамота от 6 октября 1612 г. Роману Ближневскому "Московского государства от боярина и воевод от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да от стольника от князя Дмитрея Михайловича Пожарского" в конце имеет сообщение: "К сей грамоте боярин и воевода князь Дмитрой Тимофеевич Трубецкой да стольник князь Дмитрей Михайлович Пожарский велели земскую печать приложить". Документ был "писан у Москвы в полкехлета 7021-го октября в

6 день". В этом акте, как и в предшествующих. Первого ополчения, была оговорка о временном действии ввозной грамоты: "А как даст Бог на Московское государство государя, и тогда велит ему государь на ту вотчину дать свою царскую грамоту за красною печатью" (Акты... Юшкова. № 312). Ввозная грамота Роману Ближневскому интересна не только с точки зрения государственной эмблематики. Она показывает процесс переименования государства. Составитель этой грамоты уже "потерял" вторую часть двусоставной формулы - "Московское государство Великой Российской державы". Ее вторая часть - "Российская держава" - с момента избрания Михаила превратилась в "Российское царство", словосочетание, которое в этом виде надолго оставалось официальным наименованием государства (так, первого Романова выбирали только "Московского государства Российского царства" люди), но в длинном названии России два последних слова стали отбрасывать, и с 1612 года государство под пером тогдашних бюрократов стало превращаться в Московское, каким оно и просуществовало до новой метаморфозы - на этот раз в Российскую империю. Правда, в официальных документах и в XVII веке оно именовалось Российским царством. Словоупотребление "Московское государство" для всей России XVII века историческая наука закрепила лишь в XIX веке. Все вышеприведенные документы позволяют понять умонастроение участников обоих ополчений. Несмотря на отсутствие царя, руководители ополчений не допускали мысли о том, что оно не временное, а постоянное. Он твердо верили, что Бог не оставит эту землю своим милостями и снова "даст" им царя. В свое время В.О. Ключевский и С.В. Бахрушин изучали менталитет русского общества первой половины XVII века - общества, в котором уже очень прочные корни дала идея богоизбранности царя, общества царелюбивого и мыслившего стандартными царистскими штампами (Ключевский. Т. III. С. 66; Бахрушин. С. 87-117). "Безгосударство", понимаемое в 1611 и 1612 годах как отсутствие законного государя, тяжело переживали верные подданные любого помазанника Божия. Правда, законопослушание объединенного ополчения не шло столь далеко, чтобы его лидеры вообще отказались пользоваться печатями. Они пользовались такими же вислыми красновосковскими печатями, какие были у русских мо-

нархов. Второе ополчение же совсем незадолго до выборов государя, 9 февраля 1613 г., скрепило одну из жалованных грамот вислой красновосковой печатью (Акты... Юшкова. 314). В этом документе вместо формулы "совет вся земли" появилась иная: "И дети боярские и все ратные люди приговорили". 31 ноября 1612 г. ополчение дало жалованную грамоту князю Ивану Хованскому. В ней говорилось о том, что князю пожалована вотчина, и это якобы засвидетельствовано приложением земской печати. Однако на самой жалованной грамоте нет земской печати, а висит двусторонняя печать на шнура, свитом из шелковых красных и золотых нитей. На обеих сторонах печати одно и то же изображение одноглавого орла и одна и та же надпись-легенда: "Великія Россіей д(е)рж(а)вы Московского г(осу)д(арства) печ(а)ть земская". Слово "земская" размещено так: между правым крылом и туловищем орла две буквы одна над другой - зе, между левым крылом и хвостом четыре буквы - м/с/ка, за крылом у ободка - я. (Лихачев. 1914. С. 16. Рис. 5). Изображение орла на земских печатях имеет некоторое сходство с "печатью Великого Новгорода" (Ямин. 1970. Т. 11. № 727), которая входила в серию, существовавшую с середины 10-х годов XV века вплоть до потери Новгородом независимости (Ямин. 1970. Т. 11. С. 130). Как объяснить изображение одноглавого орла на земской печати? Н.П. Лихачев, к авторитету которого каждый раз прибегает любой историк символики, когда встречается какая-нибудь трудность, утверждает, что "потеря орлом одной головы" произошла из-за отсутствия в стране царя. Государством правили бояре - представители земства. Н.П. Лихачев спрашивал: "Нет ли аллегории в том, что русский орел без царя стал одноглавым?" И склонен был ответить на этот вопрос положительно (Лихачев. 1914. С. 12 - 13). Конечно, в связи с широким распространением а ту эпоху верноподданнических чувств это вполне можно допустить. Однако традиция возникновения символа двуглавого орла, традиция, которая, конечно, могла быть уже забытой более чем через сто лет после создания этой эмблемы, не предусматривала трактовки одноглавого орла как эмблемы земства. И земство - "земля" в понимании современников создания эмблем как с двуглавым, так и с одноглавым орлом - это прежде всего люди, и не просто люди, а то боярство и то

воинство, которые поддерживали трон. В конце XV века о них, своих холопах, Иван III не очень-то заботился. И не очень с ними считался. Стоит вспомнить, как безжалостно он расправился с двумя своими самыми приближенными боярами за оплошность, которую те допустили при заключении договора о женитьбе его дочери Елены Ивановны и великого князя Литовского Александра в 1494 году. За пропуск в грамоте титула Ивана III "весь Руси" один из них расстался с жизнью, а другой был пострижен в монахи и сослан в дальний монастырь, откуда вернулся в Москву уже при следующем великом князе – Василии III. Представление о том, что двуглавие означает "землю" и "государя", для конца XV века было абсолютно неприемлемым. Иное дело 1611 год, когда холопы государевы, воеводы или просто бояре стали вершителями судеб страны, своих собственных и судьбы будущего государя. Их самосознание от этого должно было бы измениться, и они могли бы расценить изображение орла с одной головой как символ власти "совета весь земли". Могли бы... А может, и нет. В пользу этой гипотезы говорит как будто и одно из чеканных изображений на саадаке Большого наряда царя Михаила Федоровича: наряду с двуглавым орлом там был и одноглавый, держащий венец (Тройницкий). Д. Кобеко, рецензируя работу Н.П. Лихачева о земской печати, заметил: "Едва ли русским людям, насмерть бившимся в начале XVII века за существование родины, было время предаваться таким праздным мистическим размышлениям о значении одно- и двуглавого орла" (Кобеко. С. 12). Разумеется, ему, современнику краха Российской империи, могли быть более доступны и понятны настроения тех предков, которые жили в годину Смуты начала XVII века. Однако рецензент не принял во внимание особенностей того, что нынче зовется менталитетом: весь мир в средневековье воспринимался как мир символов и только в виде символов обретал истинную реальность. И все-таки изложим его гипотезу. Князь Трубецкой в июне 1611 года думал лишь о короле и королевиче, в его планы отнюдь не входило очищать страну от поляков. Поэтому он и использовал герб Королевства Польского – одноглавого орла. Такой же орел изображен в одной из четырех частей родового герба князей Трубецких как символ их литовско-польского происхождения (Кобеко. С. 13). Против предложения Д. Кобеко

говорит в первую очередь различие между образами польского орла и орла земской печати. Можно предложить другую гипотезу. Одна голова, "потерянная" орлом, - это Новгородская земля, которая на время как бы выпала из Российской державы. Вспомним, что только объединение Московского княжества и Новгородской земли создало "всю Русь" в 1478 году. Разумеется, настаивать на этом предположении за неимением соответствующих повествовательных материалов, которые объяснили бы причины "потери" орлом одной головы, трудно. Вероятен и третий вариант. Оба фактора - и географический, и политический - имели значение для изменения государственной эмблемы в 1611 - начале 1613 года. Окончательное же слово по этому вопросу принадлежит будущим историкам.

Царь Великия, Малыя и Белья России

"Безгосударство" окончилось в 1613 году, 11 июля этого года на трон вступил Михаил Федорович Романов, основатель новой и последней династии русских царей. Чин венчания и набор регалий обряда его венчания в целом остались неизменными. В этом можно убедиться, сравнив чины венчания последнего Рюриковича - царя Федора Иоанновича, Бориса Годунова и царя Михаила Романова. Снова в Успенском соборе соорудили "чертог, сиречь великое место" с 12 ступенями. Снова после молебна говорил речь сам царь, который утверждал, что "от великого Рюрика и Всеволода Мономаха на сем царском престоле неподвижны бысть". Молодой царь по меньшей мере был неточен, распространяя царское достоинство главы Российского государства на давние времена и утверждая полную преемственность собственной власти от Рюриковичей. Странно и упоминание о Всеволоде Мономахе: все предшественники царя Михаила говорили о его сыне Владимире Мономахе. В венчании Михаила Романова было еще одно новшество: митрополит казанский и свияжский Ефрем возложил на Романа "крест Константина Мономаха". Таким образом, впервые в 1613 году животворящий крест, известный еще по духовным грамотам русских князей XV века, получил собственное имя - от "первого хозяина" - византийского императора Константина Мономаха. Если шапка, которой венчались и Рюриковичи, и Романов, уже с 1518 года стала

шапкой Мономаха, в полном соответствии со "Сказанием о князьях владимирских", то крест в этом отношении отстал почти на целое столетие. При обряде венчания были использованы все предметы, названные в "Сказании" подарками византийского императора, только "бармы" и "диади́ма" были названы отдельно, хотя раньше эти слова употреблялись как синонимы. Между возложением венца и одеванием цепи от "злата аравийского" состоялось вручение "скифетра" (созданного около 1600 года) и "яблока" – державы. Церемония завершилась миропомазанием царя (СТТД. Ч. III. С. 4, 11, 12, 50, 79, 84; др. Т. 1. С. 9–90, 96). В Оружейной палате сохранилось несколько цепей (длиной от 125 до 169 см), одна из них, из плоских колец, которые были нашиты на шелковые ленты, принадлежала Михаилу Федоровичу, на ее кольцах выгравирован полный его титул. Более ранняя цепь, XVI века, состояла из крупных объемных трехгранных колец-звеньев и была, возможно, голландского происхождения (ГОН. С. 356 – 358). Сохранились и бармы Михаила Федоровича, шитые по фиолетовому атласу, с изображением Деисуса и святых, покровителей первых членов царской семьи Романовых (Арсеньев, Трутовский. С. 69). Возможно, во время венчания царя Михаила использовались скипетр и держава, присланные еще в 1604 году от императора Рудольфа II с послом Генрихом фон Логау. И по стилю, и по изображениям на державе эти предметы отличаются от русских, обнаруживая сходство с произведениями известного немецкого гравера второй половины XVI века Йоста Аммана, в особенности с его иллюстрациями к Библии 1571 года. Золотой шар "яблока" – державы был разделен на два полушария, в верхнем из которых, в свою очередь состоявшем из четырех частей, находились чеканные изображения сцен из жизни царя Давида (помазание его пророком Самуилом на царство, победа Давида над Голиафом, возвращение с победой, гонение от Саула). "Яблоко" было увенчано крестом. Массой драгоценных камней был усыпан скипетр, состоявший из трех столбиков и завершавшийся двуглавым орлом (Мартынова). Известны и другие скипетры царя Михаила: один – костяной с золотой насечкой в оправе с трехсторонним орлом, украшенный чернью, финифтью и драгоценными камнями; другой – с чеканной золотой оправой, на концах рогов рукояти укреплены орлиные головки (Арсеньев, Тру-

товский. С. 67). Несмотря на окончание "безгосударства", Смута продолжалась еще долго. То там, то здесь собирались отряды во главе с очередными самозванцами. До Столбовского мира со Швецией 1617 года под властью шведов находилась Новгородская земля. Лишь к 20-м годам правительство Романова могло приступить к серьезным начинаниям в области внутренней политики. Кстати, к этому времени вернулся на родину из польского плена отец царя - Филарет Никитич, который и возглавил фактически управление страной. В его титул вошел термин "государь", что демонстрировало его реальную силу.

До перемен в области символики дело дошло не скоро. По-видимому, в начале царствования Михаил пользовался двусторонней ("складной в дву кругех") серебряной печатью, на которой были "в кругах животворящие кресты и орлы, а в орлах ездец и пирог", т.е. всадник и единорог. Титул размещался на трех окружностях (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Ъ 1; СТТД. Ч. IV. No 133. С. 414). Лишь в 1625 году, согласно царской грамоте в Туринский острог, предписывалось пользоваться новой печатью с одной короной над головами орла и словом "самодержец". Отныне в приказных делах вошла в употребление черновосковская прикладная печать (Лихачев. 1914. С. 3), описание которой звучало так: "По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежние, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было несполна; а ныне перед прежнею печатью прибавлено на печати в подписи в нашем государском именованьи: "самодержец"; а что у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у повыл пашня печати слов нет, а над главами у орла коруна... И указали семя нашего новою печатью, о наших о всяких делах и челобитчиков и во всяких управных делах грамоты и наказы и подорожняя печатать марта с 25 числа нынешняго 133 года" (СГГД. Ч. III. No 70). По тогдашнему летосчислению 7133, т.е. за вычетом 5508 лет до Рождества Христова, - 1625 год. В целом же на протяжении первых лет царствования Михаила Федоровича символика не менялась. На знамени Войска Донского, активно участвовавшего в поставлении нового монарха на царство, 1614 года (Станиславский. С. 70), равно как и на более позднем знамени 1646 года, был изображен двуглавый орел: "В

клейме написан был государев образ на коне, колет змия" (Яковлев. Ч. 1. С. 22, 87). Спустя 11, 14 и 20 лет после венчания царя Михаила число венцов было пополнено. Иностранные мастера (их дружина насчитывала 7-8 человек) создали три венца, в 1624, 1627 и 1633 годах, из них сохранился лишь один - "шапка Ефима Телепнева" 1627 года (распоряжение о его создании вышло "за приписью" этого думного дьяка). Венец был роскошным. Сочетание ярких белых, золотых, зеленых эмалей и крупных драгоценных камней создает ощущение необычайной парадности. Венец (наряду со скипетром и державой, присланными в 1604 году императором Рудольфом II) вошел в состав "государева Большого наряда". Его как особую ценность хранили в обитых бархатом и опечатанных государственной печатью сундуках Большой казны, берегли от "сглаза" и "скверны". Впоследствии этот венец служил шапкой Астраханского царства. В описи 1776-1778 годов создание его приписывали другому Федору - Алексеевичу, который якобы велел его сделать в честь покорения Астрахани - Тмутаракани. В 30-е годы было изготовлено новое царское место в Грановитой палате, на которое пошло 800 фунтов (320 кг) серебра и 1100 червонцев на позолоту (ГОЛ. С. 348-349; Арсеньев, Трутовский. С. 25). Его-то и рисовали посещавшие Москву в XVII веке иностранцы А. Олеарий и А. Мейерберг. На доспехах ("зерцалах"), сделанных для царя Михаила русским мастером Дм. Коноваловым в 1616 году, - и на нагруднике, и на спине - был изображен двуглавый орел с тремя коронами, как ввел в обычай уже Лжедмитрий. Был вычеканен и полный титул царя: "Божиею милостию великий государь царь и великий князь Михаила Федоровича веха Русин самодержець, владимерский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский и великий князь смоленский и тверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, черниговский, рязанский, ростовский, ярославский, белозерский, лифлянский, удорский, обдорский, кондийский и вся Сибирския земли и Северныя страны повелитель и государь и вся Иверские земли, карталинские и грузинские, Кабардинские земли, черкаских и горских князь и иных многих государств обладатель" (ОМОН. Ч. 111. К-н. 2. С. 95. ь 4570).

Кафтан XVII в.

Со времени Ивана Грозного, как видим, титул несколько удлинился. Сохранено определение "лифлянский", хотя Ливонская война кончилась потерей всех земель в Прибалтике. В титуле повышена в ранге Сибирь, она упоминается дважды. Царь назван повелителем и государем "весья Сибирския земли" и в самом начале – впервые – царем сибирским. Впоследствии термин "земля" применительно к Сибири исчезнет, она станет Сибирским царством. Титул, как, впрочем, и титул Федора Иоанновича, пополнен названиями различных земель на Кавказе, которые в конце XVI столетия вошли, причем разными путями, в состав Российского царства (Кушева; Сокуров). Так в объектной части появились земли Иверская, Карталинская, Грузинская, Кабардинская, а также черкасских и горских князей. В царском быту по-прежнему использовалась эмблематика, введенная Грозным. Так, на саадаке (чехле для лука и колчана со стрелами) 1627–1628 годов изображены были двуглавые орлы – один с ездоком, а другой с единорогом в грудных щитках (ГОЛ. С. 158–159; Арсеньев, Трутовский. С. 73). К 1627–1628 годам относят и саадак Михаила Федоровича с единорогом, двуглавым и одноголовым орлами и всадником, а к 1633 году – шитый покров "с царствы" т.е. с эмблемами земель (Левинсон-Нечая. С. 271). В целом же первая половина XVII века бедна новшествами в государственной эмблематике. Это и понятно. За 30 лет правления Михаила Федоровича Российское царство едва успело оправиться от потрясений Смуты. Не до эмблематики было... Единственной сферой, где подспудно зрели начатой новых государственных эмблем,

были царское хозяйство и царский быт. Налучье Михаила Федоровича было украшено весьма своеобразной композицией: в центре ее двуглавый орел, сверху одноглавый орел и грифон с державой, а внизу единорог и лев с мечом как символ царства, счастья, удачи, военной силы (Писарская. С. 70). На предметах, принадлежавших отцу царя, находились изображения грифона и льва. Такая комбинация имеется на ковше боярина Федора Никитича Романова (Арсеньев, Трутовский. С. 165). У двоюродного брата – Никиты Ивановича (умер в 1654 году) был прапор (знамя), на котором грифон одной лапой держал поднятый меч, а другой – щит (Яковлев. Ч. 1. С. 103). Грифон, напоминающий лифляндский герб, был принят боярином в воспоминание о его походе на Перцов (Ларцу) в 1575 году, где как раз в это время чеканились монеты с новым лифляндским гербом – грифоном (Таубе. 1913). Стоит, однако, указать, что грифон давно известен в русской символике, изображение его находилось уже на стенах владимирских соборов XII – XIII веков.

Российское царство, медленно оправлявшееся от последствий Смуты, подорванное экономически, потерявшее политический престиж в международных отношениях, лишь в 30-е годы XVII века смогло добиться некоторых успехов на внешнеполитической арене. Смоленская война снова поставила – уже в который раз на протяжении конца XV – начала XVII века – вопрос о царском титуле. На этот раз дипломаты Речи Посполитой оспаривали и титул государя всея Руси, и царский титул, как они это делали на протяжении второй половины XVI века. На переговорах 17 мая 1634 г. они поставили вопрос о титуле "всея Руси", а на следующий, 1635, год даже ухитрились адресоваться не к самодержцу, но к "державце всея Руси". Для нас, людей конца XX века, разница кажется совершенно несущественной. Не то было в XVII веке. Дело в том, что державцами в Речи Посполитой еще с XV века назывались наместники, назначаемые великим князем литовским и королем польским в различные города и области. Назвать державном человека, восприемлющего свою (масть лишь от Бога, т.е. самодержца, значило нанести ему несмываемое оскорбление. На переговорах, завершивших Смоленскую войну, встал вопрос и о термине "Русь". Русью и в XVII веке назывались земли Вольни,

Подолки и Галичины, находившиеся в составе Речи Посполитой. Между тем Северовосточная Русь получила наименование сначала в 1547 году России, а затем, в конце XVI века, и Великой России, однако в титуле царя осталась старая формула "вся Русь", употребление ее выражало притязания на всю Русь, включавшую и западноукраинские земли. Польские дипломаты настаивали на том, что Малая Русь находится исключительно в пределах Речи Посполитой (Соловьев. Кн. 5. Т. 9. 1961. С. 237–238). Дискуссию завершила сама история в 50-е годы, когда Украина вошла в состав Российского царства. Но это было еще впереди... А пока на очередь встал другой вопрос – вопрос о престолонаследии и очередном венчании. Освободившийся после смерти царя Михаила трон должен был занять его сын. Увеличение числа государственных регалий заставило внести некоторые изменения в чин венчания сына Михаила – Алексея. 28 сентября 1645 г. в Успенском соборе напротив "золотого царского места" воздвигают три аналоя – два одинаковых для креста, святых барм, царского венца и третий, пониже, для младших регалий – "яблока самодержавного Московского государства и других государств Российского царства" и скипетра, который отождествляется с "царским чином". В Успенском соборе регалии встречал патриарх и, трижды поцеловав, сначала ставил на аналой блюдо с крестом, шапкой и бармами и лишь потом переносил другие предметы. Специальные стражи следили за тем, чтобы никто не мог коснуться драгоценных регалий. В речи Алексея Михайловича звучали уже знакомые мотивы – об исконности царской власти, наследуемой от Рюрика, Владимира и Всеволода Мономахов. Последнего Рюриковича, от которого и произошел род Романовых, он называл своим дедом (на самом деле Федор доводился ему только троюродным дедом). Алексей Михайлович мог сослаться на отцовскую волю и отцовское благословение в обоснование своей власти. Однако и в его речи, как и в речи его отца, было сказано, что превращение юного Михаила Романова в цари произошло "за челобитьем" всех сословий Московского государства Российского царства (ДРВ. Ч. 7. Изд. 2-е. 1788. С. 235; Богданов. С. 219). В 1649 году, через четыре года после венчания царя Алексея Михайловича, Россия обрела Уложение – основной закон самодержавной власти, который в течение долгих

столетий не был заменен. В Уложении ни слова не говорилось о гербе, однако о "большой государственной печати на красном воску" речь шла дважды. Уложение предписывало пользоваться именно ею в тех случаях, когда выдавались жалованные грамоты "на путь" (управление определенными территориями) путным ключникам и стряпчим, на городские земли – посадским людям, а также волостным крестьянам и ямщикам (Уложение 1649 года 11 РЗ. Т. 3. М., 1985. С. 200). Однако в других случаях можно было ограничиться либо дворцовой (т.е. Большого дворца), либо просто государственной печатью (Там же. С. 198–199). Уложение регламентировало лишь внутреннюю сферу применения государственной печати. Однако оно не касалось главной, внешнеполитической сферы. В конце XVII – начале XVIII столетия большая государственная печать прикладывалась к международным договорам и иногда к дипломатическим посланиям. Охранные грамоты послам скреплялись средней или малой печатями. И поскольку они должны были доносить до сведения иностранных государств точные данные о реальном объеме и территориальных границах власти русского государя, эти печати часто переделывались. До 1682 года, т.е. до года смерти преемника Алексея Михайловича его сына Федора (1676–1682), от самого царя Алексея осталось 9 печатей. Самая первая его печать воспроизводила титул царя Михаила. Возможно, это одна из тех, что сделал иноземец серебряник Богдан Исаков (СГГД. Ч. IV. N 133. С. 414; РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. No 1 б. 8 января 1656 г.). И в дальнейшем принцип составления государственной печати и ее соотношения с титулом и гербом оставался прежним. Набор эмблем на гербе и печати соответствовал титулу, где были перечислены земли, на которые простиралась власть царя. Российское же царство в середине XVII века значительно расширило свои пределы. В 1654 году произошло, говоря словами посла Богдана Хмельницкого Павла Тетери, "соединение Малые России и прицепление оныя к великодержавному пресветлейшего... нашего царского величества скифетру" (Соловьев. К.н. 6. Т. 11. 1961. С. 648). Малой Россией в противоположность Великой стали называть Украину, а Белой – Белоруссию. Царь стал самодержцем Великой, Малой и Белой России, но при этом не отказался и от планов дальнейшего расширения пределов своего государства.

Титул "государя" волынского, подольского и литовского ясно выражал его притязания на эти западноукраинские и литовские земли Речи Посполитой. И, как всегда, царь апеллировал в оправдание своих намерений и действий к Богу: "А мы на Божией службе", - писал он из похода 1655 года (Письма... государей... С. 28, 29 и др.). Уже на знамени Большого полка 10 ноября 1653 г. царь был назван "вся Великия и Малыя и Беляя России и многих государств государь и обладатель" (Яковлев. Ч. 1. С. 11). Патриарший титул также включил определение двух Россий. 26 июля 1654 г. А.П. Трубецкой так обращался к Никону: "О всеблаженнейший и пресветлейший отцам отец, великий государь, пресвятейший Никон, вся Великия и Малыя России патриарх" (Соловьев. Кл. 6. Т. 1 1. 1961. С. 624). В речи на Переяславской Раде Богдан Хмельницкий сам говорил о "нашей Малой России". Так Украина становилась одноранговой с Великой Россией, как уже раньше была единоверческой с ней. И еще слова Богдана Хмельницкого из той же речи: "А православный христианский великий государь царь восточный единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания, едино мы тело церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа" (Там же. С. 597). Переяславская Рада закрепила надолго - а в титуле царя навсегда, т.е. до 1917 года, - название Украины Малой Россией. Первое же наименование страны - Украина в официальные посольские документы проникло в 1660 году (Там же. С. 182-183). Объединение Украины и России сопровождалось появлением государственного герба и на монетах. На рублевиках 1654 года титул звучал так: "Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович вся Великия и Малыя России". Всадник - "человек на коне" - уже лишен копья, он держит прислоненный к плечу скипетр, а также поводья, двуглавый орел на обороте увенчан короной. Более подробен титул строчной надписи оборотной стороны алтына и грошевика: "Государь царь и вся Великия и Малыя России самодержец". То же и на копейках, в том числе медных, Новгородского, медных копейках Псковского и Кукенойского денежных дворов (конец 1658 - 1661 годы) (СГГД. Ч. IV. № 9. С. 26. 1657; Мельникова. С. 201, 203, 208, 214-219). Вхождение Украины в состав Российского царства вызвало много перемен

во внутренней жизни обеих России: и в экономике, и в политике происходили очень сложные процессы интеграции. Формирование нового огромного государства не могло не вызвать перемен и в государственной эмблематике. Прежде всего, в конце 60-х годов, когда уже окончательно стало ясно, что присоединение Украины – свершившийся факт, правительство Алексея Михайловича вернулось к старому принципу формирования государственного герба – региональному. Обычно удивляются, почему после большой государственной печати Ивана Грозного в течение столетия русские цари, за исключением Лжедмитрия, обходились без аналогичных печатей. Дело, вероятно, в том, что только при Иване Грозном и Алексее Михайловиче так остро и так болезненно стоял вопрос о различных территориях, на которые притязала Россия (при Иване Грозном) и которыми она уже владела (и при Грозном, и при Алексее Романове). Ведь "прицепление" новых территорий воспринималось Речью Посполитой отнюдь не равнодушно. Хотя на переговорах Федора Михайловича Большого Ртищева с гетманом Павлом Сапегой в 1655 году последний бил челом "великому государю, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу о покое", т.е. о заключении мира (и это, казалось бы, уже было признанием потери данных земель), вопрос о них, а соответственно о признании нового титула царя вставал еще не раз. 25 ноября 1655 г. бояре гордо заявляли послам Дна Казимира: "Вам подлинно известно, что даровал Бог великому государю нашему взять у его королевского величества всю Белую Русь и стольный город Вильну, и государь наш учинился на всей Белой России, и на Великом княжестве Литовском, и на Больши, и на Подолий великим государем". В титуле на малороссийской печати 1655 года определение "киевский" заняло второе место после слова "московский", а третье – "владимирский" (Прокопович). Из-за противодействия Речи Посполитой Алексею Михайловичу пришлось отказаться от всяких претензий на территории Литовского княжества, представив дело так, будто он хотел владеть этими территориями лишь в течение 20 лет для покрытия убытков, понесенных во время русско-польской войны 1654–1655 годов (Соловьев. Кн. 5. Т. 10. 1961. С. 25). И в это время, вероятно, вышла из употребления вторая печать Богдана Исакова – большая серебряная печать "с полным имя-

нованьем и титулами..: литовский, черниговский, полоцкий, витебский, мстиславский" или другая -двойная оловянная с "титулами" - "литовский, волынский, подольский, полоцкий, витебский, мстиславский". Остались, возможно, в действии печати с титулами: полоцкий, витебский, мстиславский и другая с титулами - смоленский и черниговский (СГГД. Ч. IV. ь 133. С. 414-415). Несмотря на это царский титул не был признан в Речи Посполитой и позднее. В 1660 году польские дипломаты исключали из титула слова "Малые и Белье России самодержец" (Соловьев. Кн. 6. Т. 11. 1961. С. 83; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1660. Кн. 98). Однако не только польская сторона протестовала против приращения территорий и соответственно титулов русского царя. Такими же противниками выступали и шведские дипломаты. На переговорах в декабре 1655 - январе 1656 года о продолжении и подтверждении Столбовского мира они отказывались признавать титулы "Белой России, литовский, волынский и подольский", а также "восточный, западный и северный". Русские дипломаты 17 января 1656 г. настаивали на правомерности последних определений и заявляли: "За великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке - царство Казанское и Астраханское, а на западе и севере - Сибирское царство и иные многие города и места" (Соловьев. Кн. 5. Т. 10. 1961. С. 655). Любопытно, что в трактовке Северной страны русские дипломаты 1656 года осторожно изменили позицию сравнительно с той, что была при Иване Грозном. В север превратилась Сибирь, вернее, Сибирское царство. Восток же оказался представленным не Казанским "царством" и Сибирью, а Астраханским. Это словоупотребление по отношению к последнему мы сохранили и до сих пор, невзирая на его географическую неточность. Титулатурные недоразумения возникали у Алексея Михайловича и при сношениях с папой римским. Русский посланник в Риме, Венеции и Империи Павел Менезиус в 1668 году на приеме у папы Климента X вплотную столкнулся с проблемой титулатуры и символики. Папа обещал, что "напишет великого государя именованье и титул, как они написаны в царской грамоте, напишет свъше всех потентатов (государей. - А.Х.)ъ. "вельможнейшему", только невозможно назвать государя вашего царем, потому что царь и цесарь одно и то же слово". Менезиус старательно объяснял па-

пе: "Как называется папа, цесарь римский, султан турецкий, шах персидский, хан крымский, могол индейский, претиан абиссинский, зареф арабский, колман булгарский, деспот пелопонейский, калиф вавилонский и др., так точно на славянском языке называется царь российский". "Как перевести царь по латыни?" – последовал вопрос. "Перевести нельзя, – отвечал Менезиус, – но ведь вы без перевода пишете же латинскими буквами все вычисленные мною названия государей" (Соловьев. Кн. 6. Т. 12. 1961. С. 547). Вероятно, Менезиус прибыл в Рим с грамотами, скрепленными такой же печатью, как описывает побывавший в Москве за семь лет до того имперский посол А. Мейерберг. В свое описание путешествия в Россию в 1661 – 1662 годах он включил и рисунок "герба царя в Москве". Это был двуглавый орел, обе его главы были увенчаны коронами, между ними возвышался Голгофский крест, а на самой Голгофе находилась третья и значительно большая, чем на главах, корона. Клювы орла широко и хищно раскрыты, и из них далеко высовываются загнутые кверху языки. Орел лишен и скипетра, и державы, но на груди у него щиток с Московским гербом, всадник,двигающийся направо, с мечом в левой руке попирает дракона, извивающегося у ног коня (Альбом Мейерберга. Л. 28. Но 66). По-видимому, Мейерберг воспроизвел в основных чертах малую печать или герб, вполне соответствовавший тому, который был введен указом 1625 года и воспроизведен на печати. 4 июня 1667 г. в наказе русскому послу Василию Боушу к курфюрсту Бранденбургскому и герцогу Курляндии символы государственной печати объяснялись так: "Орел двоеглавный есть герб державы великого государя нашего, его царского величества, над которым три коруны изображенны, знаменующие три великия Казанское, Астраханское. Сибирское славные царства, покоряющиеся богохранимой и высочайшей его царского величества милостивейшего нашего государя державе и повелению... под орлом знак отчича и дедича, на персех его изображение на среднике" (СГГД. Ч. IV. в 57. С. 209). Несоответствие старой государственной печати новому титулу государя, после Андрусовского перемирия с Речью Посполитой 1667 года (Винклер. 1895. С. 412), торжественно именовавшегося "всея Великой и Малой и Белой России самодержцем", ощущалось очень отчетливо. И в 1667 году была сделана но-

вая попытка привести герб страны в соответствие с титулом государя. 14 декабря 1667 г. последовал указ "О титуле царском и о государственной печати", в котором находилось и описание герба. Начало его соответствовало тексту наказа от 4 июня 1667 г. А далее читаем: "На правой стороне орла три грады суть, а по описанию в титуле Великия и Молью и Белыя России, на левой стороне орла три грады своими писанными образуют восточных и западных и северных; под орлом знак отчича и дедича (изображены толпы людей. -А.Х.), на персех (грудях. - А.Х.) изображение наследника (всадник. - А-Х.), в пазноктех (когтях. - А.Х.) скипетр и яблоко и изъявляют милостивейшаго нашего государя, его царское величество самодержца и облаадателя" (ПСЗРИ-1. Т. 1. СПб., 1830. № 421). В 1676 году всадник охарактеричован иначе: "воин на коне" (РГАДА. Ф. 136. Он. 1. № 4 Л. 2). Во исполнение царского указа золотописец Посольского приказа Григорий Антонович Благушин "знаменил (проектировал. - А-Х.) государеву новую печать". Он создал композицию с орлом в центре печати, пополненной рисунками крепостей по 3 с каждой стороны, буквами В, М, Б слева и В, С, З справа от зрителя, скипетром и державой в лапах орла. Место и тип креста были изменены. Если раньше крест венчал средний зубец короны и как бы выходил из нее, то теперь в орнаментальном поясе, отделяющем изображение от надписи, был сделан перерыв. Вместо восьмиконечного креста появились три четырехконечных креста на коронах (Бюлер. М" 53, 54; Титулярник; Калишевич. С. 394-397; Лакиер. С. 235; Каменцева, Устюгов. С. 132; Соболева. 1981. С. 19). Титул, написанный сокращенными словами и окружающий все изображение, был размещен на одной стороне. Обобщенный и маловыразительный характер этой печати, созданной в традициях тогдашней провинциальной графики, мало удовлетворил царя Алексея, хотя печать широко использовалась в дипломатических документах (в частности, ею скрепляли послания, направленные в Данию 11 октября 1672 г., 9 февраля 1676 г.). Применяли ее и преемники царя Алексея: Федор 9 мая 1679 г. - на его имя она была переделана в 1676 году (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 3), Иван и Петр Алексеевичи 14 августа 1684 г. Вплоть до 19 декабря 1677 г. печать с такой композицией и расположением титула была единственной. В 1678

году ее сменила печать работы Федора Микулаева (судя по фамилии, выходца из Речи Посполитой, скорее всего, Великого княжества Литовского), где титулы ("титла") уже не Алексея Михайловича, а его сына Федора, написанные полностью, занимали не одну строку, а три (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 19. Л. 5). Такую печать использовали при сношениях с Римской империей (на послании 20 марта 1679 г.) и Данией (9 мая и в августе того же года). Печать с усеченными титулами также не вышла из употребления. Ею скрепляли послания в Речь Посполитую и простые грамоты послам в эту страну. По образцу печати 1678 года в сентябре – декабре 1682 года была вырезана печать царей Ивана и Петра. Она скрепляла грамоты в Данию от 14 августа 1684 г. и в Швецию 1685 года (Андреев. С. 335–344). Печать вырезали в Серебряной палате (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 15. Л. 15 об.). Число регалий при Алексее Михайловиче было пополнено. Константинопольский, вернее, стамбульский мастер Иван Юрьев, грек по национальности, в 1657 – 1665 годах изготовил золотые державу, скипетр, посох и бармы. На изумрудном фоне трех первых рассыпаны зеленые, красные, синие драгоценные камни и крупные алмазы. Бармы "греческого дела", стоившие больше 18 тысяч рублей, несли на себе многочисленные изображения: царство природы с орлом, слоном, кедром и горой Арарат, сонмы царей, священства, царедворцев, народа, таинства миропомазания, царя Давида, восхваляющего надире Господа, наконец, венчание Богоматери ангелами. На наплечных запонах расположены сцены воздвижения Животворящего Креста императором Константином и его матерью Еленой и чудо св. Меркурия, поражающего императора Юлиана Отступника в присутствии Василия Великого. Армянский купец Захарий Сарадаров в 1660 году преподнес царю Алексею трон, выполненный иранскими мастерами и за изобилие алмазов (их 800) названный алмазным. На боковых стенках в ажурных пластинах из золота и серебра изображены птицы, животные, сцены охоты, а на черном бархате спинки вышиты два ангела, поддерживающие корону над надписью, прославляющей царя (ГОЛ. С. 368 – 369; Барсов. С. 132 – 141; Арсеньев, Трутовский. С. 78). Посольский приказ начал активную работу не только по упорядочению обращений к главам других держав, но и по выработке новой эмблематики России. В работе по пер-

вому направлению русским дипломатам помогали имперские специалисты. В 1673 году герольдмейстер императора Леопольда I Л. Курелич завершил сочинение "О родословии великих князей и государей... с показанием имеющегося посредством браков сродства между Россиею и осемью европейскими державами, т.е. цесарем римским и королями: английским, французским, гишпанским, польским, португальским и шведским и с изображением оных королевских гербов, а в середине их великого князя св. Владимира, на конце же портрета царя Алексея Михайловича" (Литер. С. 218 - 219; Лукомский В-К. 1911-1. С. 7). Посольский приказ сосредоточил в своих стенах специалистов по эмблематике. В выработке новых эмблем приняли участие выходцы из бывших земель Речи Поелолитой Станислав Лопуцкий и Иван Мировский (ДАН. Т.VI. 1857ъ, Арсенъев. 1908.С.45; Лукодскнн В.К., Типольт; Калишевич. С. 399 - 401; Кудрявцев. С. 183 - 189). На основании текста известного политического деятеля Николая Гавриловича Спафария, происходившего из Молдавии, по распоряжению царя была создана "Книга об избрании на царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича" (написана М. Верещагиным 6 июля - 17 августа 1672 г.). Она иллюстрирована Сергеем Рожковым, Ананием Евдокимовым и Федором Ильевым 8 ноября 1672 г. - 30 марта 1673 г. и завершена в барочном стиле золотописцем Г.А. Благушиным в апреле 1673 года (ЛАИ. Т. IV. 1857. No 3. С. 188 - 200; ГОЛ. С. 363; Лукомский В. К. 1991). А ранее Благушин же и И. Мировский в Коломенском дворце писали "клеймо государево и всех вселенских сего света государств" (ОМОН. Ч. III. Кн. 1. С. 49; Забелим. 1895. С. 215). В 1672 году был создан и знаменитый "Титулярник". 1672 годом деятельность по усовершенствованию государственной эмблематики не закончилась. Она продолжалась еще три года, в результате были созданы и гербовая тарель (плоское блюдо) Алексея Михайловича, и еще одно гербовое знамя 1674 года, и новые государственные печати. Комплекс эмблем на предметах дворцового обихода, в особенности царского вооружения, на протяжении XVII века оставался в основном неизменным; это двуглавый орел, единорог, грифон, лев; к ним на арчаке (деревянном остове седла) в 70-80-х годах был добавлен всадник (Писарская. No 72). На гербовой тарели Я. Фробоса 1675 года двуглавый орел

находится в окружении новгородской, астраханской, псковской, тверской, пермской, смоленской, сибирской и казанской эмблем (Писарская. Но 48; Ненарокомова, Сизов. Но 62).

Воплощенные в символах государственные идеи объединения Руси и ее высочайшего престижа нашли отклик и в литературе третьей четверти XVII века. Симеон Полонкий воспевал орла в поэтических виршах:

*Орле преславный, высоко парящий
Славою орлы все превосходящий...
Глава ти небес самых достизает
Простер-гость крилу весь мир открывает,
В море, на земли властелно стоиши.
(Симеон Полатей и . 1915. С. 14)*

Симеон Полоцкий "местожительством" российского орла считал солнце ("В солнце положи селение свое"), а самого его сравнивал с царем:

*Небом нареши Россию дерзаю,
Ибо планиты в ней сретаю.
Ты, царю, солнце, а луна
Мария Царица.*

Ту же мысль он повторял на разные лады:

*Что есть солнце небу, то скиптродержатель
Царству и всяк стран своих обладатель...
Зри зле, како солнце орла окружает,
Так светлость царская весь род озаряет.
(Симеон Полоцкий. 1915. С. 38; 1953. С. 7)*

Солнцем он именовал не только Алексея Михайловича, к которому были обращены предшествующие стихи, но и его сына Федора. "Солнце ты наше", - обращался он к царю (Симеон Полоцкий. 1915. С. 27, 28). Сравним высказывания Симеона Полоцкого с "поэтической" Повестью об Азовском осажденном сидении 1641 года: "А государство Московское многолюдно, велико и пространно сияет светло... аки в небе солнце" (Лунин. С. 92). Недаром именно восходящее солнце, похожее на то, что спустя 200 лет украсило герб СССР, попало на медаль голландца А. Боскама в память взятия русскими войсками Азова в 1696 году (Щукина. 1995). Симеон Полоцкий призывал российского

орла:

*Отчества гнездо покрывай крылами
Вражия сети растерзай ногами.*
(Симеон Полоцкий. 1953. С. 123, 131)

Не оставил он без внимания и белого орла – эмблему Речи Посполитой. Его он научал такими словами:

*Прилети, орле белый, влюби солнце себе,
Обок орла российска дастся место тебе.*
(Самсон Полоцкий 1915. С. 29)

Последнее обращение понятно в связи с событиями в Речи Посполитой. Они, конечно, могли породить надежду – уже в который раз – на приглашение русского царя занять опустевший после отказа от престола Дна Казимира трон Речи Посполитой, разоренной за последние два десятилетия, пострадавшей и от шведского "потоп" (нашествия 60-х годов), и от ухудшения отношений с Османским султанатом. Но надежды надеждами, а реальность реальностью... Уже в конце XVII века возрожден историка-территориальный принцип построения государственной печати. При этом многие эмблемы были добавлены, а многие изменены. На печати, воспроизведенной И. Корбом (имперским дипломатом) в 1699 году, появился коронованный лев с мечом как эмблема Владимирского княжения. Архангел Михаил как киевская эмблема, два зверя (соболя?), держащие на перекрещенных и вонзенных в землю копьях корону, как эмблема Сибирского царства. Однако и эти новые эмблемы не сразу приобрели такой вид. В частности, сибирский герб на знамени 1666 года выглядел следующим образом: "Дерево стоящее кедровое, к дереву два соболя стоят на задних лапах" (Яковлев. Ч. 11. С. 34; др. Т. 3. С. 1373). Если сравнить изменения в печатях (в соответствии с иерархией эмблем, которая существовала не в XVI, а уже в XVII веке), то получится такая картина. Казанская ("в каруне василиск") осталась без изменений. Астраханская – вместо волка с крестом на печати Грозного появился "венеч золотой, под венцом голая сабля". Новгородская – "место", на "месте" посох, по бокам медведь и рысь, а под "местом" рыба или две рыбы навстречу друг другу – сменилась на трон с двумя медведями, на спинке трона подсвечник, на троне скипетр и посох напе-

реквест (особенно важно появление трона и скипетра). Псковская – барс влево, в 1666 году именуется "рысь бежающая" в 1672 году к зверю добавлена благословляющая рука. Тверская – пушка с птицей (ошибочно), а в 1666 и 1672 годах престол без степени, на престоле лежит венец царский. Пермская – зверь, в 1666 году "медведь идущий", в 1672 году медведь с Евангелием на спине. Вятская – в XVI веке лук с оперенной стрелой, в 1666 году "рука человека стреляет из лука", в 1672 году эта рука выходит из облака, а наверху добавлен крест. Болгарская – барс идущий (без перемен). Нижегородская – "лось ступает" (без перемен). Рязанская – конь вправо в XVI веке, а в 1666 и 1672 годах "человек стоящей в одежде (по-видимому, стрелецкой. – А.Х.), под одеждою бронь, в правой руке держит саблю голую, другою рукою держит за ножны". Ростовская – птица вправо заменена на "олень" влево с лошадиной гривой. Наконец, Смоленск получил эмблему в виде пушки на лафете и с райской птицей (Соболева. 1981). На печатях Грозного и Алексея Михайловича 1672 года 20 эмблем одних и тех же земель, но лишь 8 изображений оказались одинаковыми, а 12 – разными. Все эти новшества и перемены показывают: мысль идеологов русского самодержавия лихорадочно работала над тем, как более весомо и торжественно представить те "государства", которыми владел Божьей милостью великий государь. Появляются некоторые реалии быта (на рязанской печати), усиливается роль провидения (то в виде облака, то в виде руки или креста), усиливается акцент на царские регалии (новгородская печать), иногда просто появляются представители фауны, соответствующие экономико-географическим характеристикам земель (рыбы, олени, медведи). Фантазия и кругочор геральдистов не очень велики. Дальше тривиальностей своей эпохи они и не могли пойти. Именно так составлялись и государственные гербы европейских стран. Они небрежно ломали традицию, пусть даже столетнюю, переделывали эмблемы, и все это ради того, чтобы придать больше пышности имени русского царя, по мнению тогдашних идеологов, ближайшего родственника императорского дома соседней Священной Римской империи, и ради того, чтобы превзойти вечного соперника русских царей – короля польского и великого князя литовского. С "Титулярника" и государственной печати старые и новые

эмблемы "расходились" на самые разнообразные предметы царского обихода, вплоть до слюдяных оконниц, где оказывались орлы с приподнятыми крыльями (ОРК. XVII. Ч. 1. С. 82). Часто встречались и региональные эмблемы. На золотой тарели Алексея Михайловича два медведя поддерживают трон с жезлом или скипетром – новгородской эмблемой. Вообще Новгород даже в XVII веке оставался своеобразной занозой в царском венце. Именно на его эмблеме, как и при Михаиле Романове, гераладисты старательно "нагнетали" признаки царской власти – скипетр и посох, должно быть, памятуя о сравнительно недавних (во время шведской оккупации) попытках новгородского митрополита Киприана перейти в иную веру, впрочем, скорее, их можно назвать поползновениями, поскольку инициатива митрополита ни к чему не привела. Среди многочисленных новых и модифицированных эмблем почти потерялся единорог. Он представлен лишь на золотой монете Алексея Михайловича, по-видимому, до 1654 года. На ее лицевой стороне изображен двуглавый орел с тремя коронами, на груди – сердцеобразный щит с единорогом, а на обороте – со всадником – изображение московского герба (Долгорукий. С. 48. Но 43). Этот всадник в 60-е годы XVII века и позднее устойчиво трактовался как "царь на коне". Об этой традиции говорят и изображение двух стоящих фигур в грудном щитке двуглавого орла на миниатюре жалованной грамоты царей Ивана V и Петра I Воскресенскому монастырю 1689 года (Лукомский В.К. 1913–3. С. 168) и гравюра в книге И. Гизеля "Мир человеку с Богом" 1669 года: всадник повергает змия копьём, несущим надписи: "тишина.., держава.., победа, слава" (Гизель). В конце XVII века существенных перемен в русском гербе не произошло. Изменилась лишь трактовка тех символов, которые были на нем изображены. На знамени, преподнесенном иноком Кизического монастыря Гервасием царям Ивану и Петру Алексеевичам в 1689 году, была масса надписей. Приведем некоторые из них, касающиеся трактовки орла и регалий. Гервасий не скупится на сравнение царей с солнцем, не смущаясь тем обстоятельством, что в небесах оно только одно, а ему нужно было уподобить солнцу две царственные особы: "Орел по естеству смотрит солнца: сине зрят пресветлые лица, главою своею сугубою, единородную брату, сбю великих государей и царей, монархов наших, ве-

ликих князей. Одно солнце Иоанна Алексеевича, второе солнце – Петра Алексеевича, всея Великия и Молью, Червонныя, Черныя, Белыя России, славенороссийских самодержавцев и многих царств пресветлых державцев". Далее следовали объяснения по поводу самого орла, корон и других регалий: "Орел наричется царь небесный (! –А.Х.), сипе наричет и царей земных. Орел значит сугубою головою московских наших двух царей, им по три венца в душах их сияют, во Троице Бога прославляемые Отца и Сына и Святаго Духа: имуть по два крила и в длания вручи им Бог скипетр и державу, правление царств и на врагов, в шуица (левую лапу. – А.Х.) же им державу со крестом да побеждают врагов Христа". Эти надписи по боковым каймам продолжались и на нижней кайме: "И покры орел гнездо свое, милосердие и человеколюбие собра вся языки гнезда земнаго в Троице славити Бога единого: в лесных пазнохтех жезл или скипетр и меч, жезлом сокрушит, яко сосуды скудельничи, языки поганых, не знающих Бога и вояка супостата и врага" (Яковлев. Ч. 1. С. 39 – 40). Таким образом, славословие в честь двух солнц закончилось довольно-таки агрессивным призывом обрушиться на "поганых, не знающих Бога". Впрочем, Гервасий в эпоху крымских походов был совсем не одинок. На других знаменах, где был изображен крест, он содержал такую же программу: "Крест честным благочестивым царем упование и на враги победа и прогонение и одоление, како ж древле первому христианскому царю Константину на одоление воинства Максентиева" (ОМОП. Ч. III. Кн. 1. С. 45; Яковлев. Ч. 1. С. 23, 91 – 96). Разница между Константином и русскими царями заключалась лишь в том, что первый сражался с претендентом Максентием, вторых вооружали на битвы с "поганьми". Недаром такой популярностью в XVII веке пользовался Иван Грозный. Покорение им "в русскую державу" Казанского ханства считалось его главным достижением (Яковлев. Ч. 1. С. 35. Приложение. С. 6–7), оно служило и прекрасным образцом для подражания тем государям, которые своей задачей поставили борьбу против Крымского ханства, по-прежнему взимавшего с России – и Великой, и Малой, и Червонной, и Черной, и Белой – поминки в свою казну, почти так же, как это было в начале XVI века (Артамонов В.А. 1990. С. 174; Фаизов). Освободить Россию от уплаты пошлин не удалось ни

царю Алексею Михайловичу, ни его наследнику Федору Алексеевичу, вступившему патрон 18 июня 1676 г. Слишком сложным было положение в стране. В речи во время венчания Федор признавал заслуги отца и в традициях панегирической литературы того времени называл его "веры православной опасный хранитель, церкви Божией поборник и защитник и всего Московского государства бодроопасный содержитель и крепкий на враги победитель и одолетель" (ПСЗРИ-1. Т. 2. СПб., 1830. № 648. С. 42 – 68). Более реалистична была речь патриарха Иоакима, вручившего 14-летнему царю регалии, атом числе "золотое державное яблоко". В ней он просил царя: "Не на дарех продавай власти" и предупреждал Федора, что "ценою купивый власть... ко мздопритию без боязни зрит" (ПСЗРИ-1. Т. 2. № 648. С. 61). Видно, весьма надоели взяточничество и средневековая коррупция, что патриарх не сумел умолчать о них даже в столь торжественный момент. Ни подростку Федору, ни его преемникам не удалось справиться с этой болезнью России. Зато престиж государственной власти правительству Федора поднять удалось. Со 2 октября 1679 г. по всему Российскому царству должны были мерять хлеб только "торговыми таможенными орлеными мерами". Меры объема, "заорля" следовало разослать по стране, чтобы хлеб на содержание стрельцов собирать "с верхи под греблю" (ПСЗРИ-1. Т. 2. № 770). Удалось при Федоре Алексеевиче сделать и другое – лишить остатков самостоятельности московское городское общество. Земский приказ 22 октября 1676 г. потерял право пользоваться печатью своего главы – судьи для удостоверения документов. Отныне можно было "печатать... государевою печатью из приказа серебряных дел" (ПСЗРИ-1. Т. 2. № 665). Расширив сферу деятельности орленой печати, правительство Федора подготовило унификацию и бюрократизацию управления, характерную уже для деятельности одного из его преемников. Впрочем, и в "Космографии" 1670 года власть в России характеризовали так: "Полный государь един самодержавствует, над всеми имеет вольность" (Космография. С. 269). Очередное венчание состоялось в 1682 году, когда на русский престол вступили сразу два брата – скудоумный Иван V и малолетний Петр. Это экстраординарное венчание сразу двух царей – сводных братьев потребовало создания новых регалий. Для Петра как младшего

кремлевские мастера приготовили "шапку Мономаха второго разряда". По форме она действительно соответствует древней: гладкие золотые пластины треугольной формы напоминают верх шапки-оригинала. Да и по размерам они схожи: высота 20,3, окружность 61 см (ТОП. С. 359 – 360). Однако по богатству и тщательности отделки новая шапка уступает старой. Сравнительно небольшое число драгоценных камней и жемчугов свидетельствует о предназначении шапки для венчания младшего брата, отнюдь не поддерживаемого всецельной тогда царевной Софьей. В XIX веке эта шапка стала служить короной царства Таврического (Арсеньев, Трутовский. С. 83). В 1682 – 1687 годах для Ивана и 1682 – 1684 годах для Петра были приготовлены алмазные венцы с собольим околышем. На венце Ивана среди узоров цветов и листьев встречаются очертания двуглавого орла, которых нет на венце Петра. Зато на венце Петра к алмазам добавлены изумруды и турмалины. У царя Ивана Алексеевича в 1684 году появилась еще одна шапка из гладкой парчи – оптабаса, на которой были нашиты запоны из драгоценных камней с венца Федора Алексеевича. В XIX веке эта шапка третьего наряда Ивана Алексеевича заняла место короны Царства Сибирского (Там же. С. 71 – 72; ТОП. С. 356 – 357). В 1682 – 1684 годах немецкими мастерами из Аутебурга и Нюрнберга или Гамбурга был изготовлен серебряный трон необычайной конструкции, с двумя сиденьями и третьим тайным – либо для царевны Софьи, либо для Никиты Зотова, воспитателя Петра. Задняя спинка трона вплоть до 1835 года была закрыта покрывцем, вышитым серебром и жемчугом, посредине которого находился орел под жемчужной короной, а на кайме – областные гербы. Трон был весь покрыт серебряными чеканенными резными и прорезными пластинами с изображениями одно- и двуглавых орлов, барсов, львов, грифонов, единорогов, выполненными в стиле барокко. Впервые трон оказался с "балдахином", первоначально имевшим мистическое значение защиты от демонических сил (Moser. S. 287). На легкой сени (балдахине), поддерживаемой витыми колонками, на фигурных арках над сиденьями непосредственно над головами царей были укреплены чеканные орлы, а в центре – лев. Орлы с распростертыми крыльями, увенчанные короной и крестом над ней, располагались и на трех сложного профиля стоянцах (столбах,

поддерживавших сень). На самом же верху находились лев и одноглавый орел как символы Владимирского и Московского княжеств (Арсеньев, Трутовский. С. 368, 371). Балдахин и стенка двойного трона употреблялись во время последующих коронаций 1727, 1730, 1741 и 1802 годов (Там же. С. 83). На столбцах перед тронном лежали скипетры и общая держава. Поскольку власть в правление царицы Софии (до 1689 года) братьям не принадлежала, надобности во второй державе как бы и не имелось. Недаром даже на тогдашних гравюрах, в частности на гравюре Кариона Савуловского 1693 года, помещенной в книге Ф-Хр. Вебера, царственные братья снабжены лишь скипетрами, но не державой (Weber. S. 37). Далеки они были и от реального управления страной. Фаворит царицы Софии В. В. Голицын, согласно указу, изданному от имени молодых царей от 19 октября 1682 г., становился "царственным большим печатем и государственных великих посольских дел оберскажем" (СГГД. Ч. IV. № 154. С. 464). Голицыну достались важная должность и большое хозяйство. От времени Федора Алексеевича оставались три государственных печати, хранившиеся в Государственном посольском приказе - две большие с полными и короткими титулами и одна - малороссийская. В 1682 году по смерти Петра велел их "переправить и наименовать и вообразить свое великого государя именованье" (Там же. № 133. С. 414). В конце года были созданы печати с именами обоих братьев, а в 1686 году после заключения вечного мира с Речью Посполитой Василием Кононовым был переделан серебряный обруч с перечислением всех титулов царей Ивана и Петра, в том числе и "прибавочных" (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. л. 15. л. 15 - 16. № 11). Таким образом, в Посольском приказе сосредоточились и старые печати царей из династии Романовых, и новые, которыми следовало скреплять послания в соседние государства.

Печать Петра I 1699 г.
Рисунок И. Корба

К концу века венчанному по второму разряду царю Петру удалось взять власть. Смерть царя Ивана в 1696 году сделала его единственным царем, хотя уже в 1689 году 17-летний Петр правил и за себя, и за брата. Тогда-то, вероятно, и был сделан его скипетр длиной 71 см с минимальным диаметром 21 см и максимальным 24 см. Свержение Софьи, сопровождавшееся стрелецким бунтом, означало конец целой эпохи. И для России начиналось новое время. Знаменем новой эпохи стал Петр, которому свои "желания благая" сформулировал Симеон Полоцкий:

*Петр имя камене толком знаменает,
Камей же твердость собою являет.
Петр убо брат твой, тверду тебе быти
Непозыблему на престоле жити
Радостно хошет, и да победиши
Все Голиафы, егда я узриши.
(Симеон Полоцкий. 1953. С. 115)*

Царь Петр направил собственные усилия на запад, и на его гербовном знамени 1696 года двуглавый орел оказался парящим над морем. В грудном щитке уже не царь, не просто воин, а сам Спаситель в царском венце на белом коне. А из уст Спасителя выходит меч, да еще с поясняющей надписью: "Поострю мочь мой яко молнию". В лапах орел держит отнюдь не регалии, а копыя с надписями: "Приими копье святое яко дар от Бога"; "Да им сокрушиши сопостаты своя" (Яковлев. Ч. 1. С. 35). Действительно, сокрушил, но уже в следующем столетии. Наш рассказ о XVII веке – об эмблематике царей пяти Россий (Великой,

Малой, Белой, Червонной, Черной) – следует завершить описанием печати, воспроизведенной И.Г. Корбом, имперским дипломатом, который посетил Россию в 1698 и 1699 годах. Двуглавый орел по-прежнему увенчан тремя коронами – большой посередине и двумя маленькими на головах. На груди и крыльях орла семь территориальных эмблем: в центре московская (всадник, поражающий копьём дракона), на крыльях сверху – киевская (Архангел Михаил с длинным крестом), владимирская (коронованный лев с мечом), в середине крыльев – новгородская (два медведя с перекрещенными копьями на фоне трона) и казанская, внизу крыльев – астраханская (венец и голая сабля) и сибирская (два соболя на копьях держат корону). Расположение эмблем точно соответствовало положению определений в титуле царя. Определение "владимирский" переместилось после "московского", что вызвало необходимость введения новой эмблемы – аладимирской, и в результате всадник, бывший "царь на коне", стал Московским гербом. В "Титулярнике" это изображение отсутствовало вообще, а определение "московский" было приложено к орлу. В овальных гербах вдоль овала герба (на рисунке Корба он несколько странной и неожиданной формы) расположены еще 26 эмблем, отличающихся от эмблем "Титулярника" 1672 года. Так, отсутствует изображение погоны (всадник) с надписью "великий князь литовский", которое было в Большой государственной книге за четверть века до приезда Корба. Эмблемы на печати Корба читаются так же, как и на печати Ивана Грозного, – справа налево. Титул же обнаруживает полное совпадение с титулом 1674 года, представленным на знамени, дарованном украинскому гетману Ивану Самойловичу. Традиция нарушена лишь в том, что все эмблемы расположены на одной, а не на двух сторонах, как было у Ивана Грозного. Впрочем, эмблемы и позднее размещались по-разному. Так, на белом знамени Преображенского полка 1700 года изображен орел с 26 земельными эмблемами на груди. Новый мир геральдических представлений Европы открылся переводом Нюрнбергского гербовника, сделанным в 1699 году. Но в русскую геральдику этот мир вошел значительно позднее – лишь к исходу следующего, XVIII, столетия. Заканчивая обзор государственной символики XVII века, известного как "бунташное" столетие (да и было отчего – гражданская война начала

XVII века, медный и соляные бунты в 60-е годы, восстание Степана Разина), нужно признать, что все эти события почти не оставили следа в государственной символике. Единственное исключение – Смута со своим вещественным доказательством временного "безгосударства" – земской печатью Великой Российской державы. В последующее же время буйные ветры российской вольницы не достигали Посольского приказа, где созидались новые гербы, и казны, где они хранились. Государственные печати, как чуткий сейсмограф, регистрировали лишь бури и толчки в международной жизни, указывали основные направления внешнеполитической активности русского правительства, закрепляли "приращения" Российского царства. Они, эти печати, показывали и другое – формирование государственной идеологии, характер политического мышления правящих кругов России. Надписи на печатях подчеркивали, что православие являлось тем флагом, под который собирали русских людей на битвы с "поганьими", басурманскими народами. А между тем с государственной печати исчез мученический Голгофский крест, сменившийся на печатях 1668 и 1672 годов равноконечным победоносным крестом Константина (Вилинбахов. 1983. С. 26 – 41; 1985. С. 188 – 196). Немецкий историк Г. Штёкль, обративший на это внимание, объяснял дело тем, что якобы различия между западной и восточной церковью были не столь велики и переоценивались в историографии (Stokl. S. 63 Anm. 88). Несомненно, в век мощного воздействия украинской и белорусской культур, что ясно прослеживается во всех сферах, оно не могло не проявиться и в области государственной символики, тем более что ее реформаторами были как раз выходцы из Речи Посполитой. Развитие государственной символики в XVII веке, фактически в 60 – 70-е годы проходившее под влиянием политических страстей и амбиций, доказывает то глубокое небрежение к своей собственной старине, которое так характерно для всех и всяких русских правительств. Подобно тому как по мановению руки перекраивался план Кремля, чтобы в конце концов завершиться сооружением двух махин – Большого Кремлевского дворца в XIX веке и Дворца съездов в XX веке, так переделывалась и изменялась эмблематика государственной печати. Все во славу царям трех или пяти Россий... Формирование гербов было полностью подчинено

одной задаче - сиюминутному возвеличению власти и оформлению новых ее притязаний внутри и вне страны. Всякие же намеки на самостоятельность земель уничтожались (пример тому - трансформация новгородской печати в XVI - XVII веках).